

Собрание стихотворений. Том 5. Война. Земля родная. Алый мак. Фимиамы. Фёдор Сологуб

Война

Гимн

Да здравствует Россия,
Великая страна!
Да здравствует Россия!
Да славится она!
Племян освободитель,
Державный русский меч,
Сверкай, могучий мститель,
В пожаре грозных сеч.
Да здравствует Россия,
Великая страна!
Да славится Россия!
Да процветёт она!
Не в силе Бог, не в силе,
А только в правде Он.
Мы правдой освятили
Свободу и закон.
Да славится Россия,
Великая страна!
Да здравствует Россия!
Да славится она!
На начинающего БОГ
На начинающего БОГ!
Вещанью мудрому поверьте.
Кто шлёт соседям злые смерти,
Тот сам до срока изнемог.
На начинающего БОГ!
Его твердыни станут пылью,
И обречёт Господь бессилью
Его, зачинщика тревог.
На начинающего БОГ!
Его кулак в броне железной,
Но разобьётся он над бездной
О наш незыблемый чертог.
Россия – любовь
Небо наше так широко,
Небо наше так высоко, –
О Россия, о любовь!
Побеждая, не ликуешь,
Умирая, не тоскуешь.
О Россия, о любовь,
Божью волю славословь!
Позабудь, что мы страдали.
Умирают все печали.
Ты печалей не кляни.
Не дождёшься повторений
Для минувших обольщений.
Ты печалей не кляни.
Полюби все Божьи дни.

Марш

Барабаны, не бейте слишком громко, –
Громки будут отважные дела.
О них отдалённые вспомнят потомки
В те дни, когда жизнь засияет, светла.
Вспомнят угрозы нового Атиллы
И дикую злобу прусских юнкеров,
Вспомнят, как Россия дружно отразила
Движущийся лес стальных штыков.
Вспомнят, как после славной победы
Нация стала союзом племён
И бодро позабыла минувшие беды,

Как приснившийся ночью тяжёлый сон.

Единение племён

Перед подвигом великим

Единеньем многоликим

Под святыя знамена

Призывай, страна родная,

Все, от края и до края,

Без различий племена.

Загремят на славу бои,

И возникнут вновь герои,

И судьба дракона – пасть.

Доблесть – смелым оборона.

Поражайте же дракона

Прямо в пламенную пасть.

Крепки мужеством великим,

В злой борьбе с драконом диким,

В яром вое смертных сеч,

Отражайте, поражайте,

Побеждайте, – увенчайте

Новой славой русский меч.

Светлый пир

□□Пора скликать народы

□□На светлый пир любви!

Орлов военной непогоды

□□□Зови,

В торжестве святого своеволья

Развернуть пылающие крылья

Над зеркальностью застойных вод,

Унести из мутной мглы бессилья

□□В озарённые раздолья,

□□Где уже багрян восход.

Невесте воин

Не десять солнц восходит здесь над нами,

□□А лишь одно,

И лишь одну прожить под небесами

□□Нам жизнь дано.

Но если враг наполнил содроганьем

□□Мой край родной,

Не надо жизни с милым расцветаньем

□□Мне и одной.

И как ни плачь, свой взор в часы разлуки

□□К земле клоня,

Но не удержат ласковые руки

□□Твои меня.

Когда к тебе вернусь, меня героем

□□Ты не зови:

Исполнил я, стремясь к жестоким боям,

□□Завет любви.

А если я паду за синей далью

□□В чужом краю,

Ты говори, горда своей печалью:

«Сражён в бою».

Запасному жена

Милый друг мой, сокол ясный!

Едешь ты на бой опасный, –

Помни, помни о жене.

Будь любви моей достоин.

Как отважный, смелый воин

Бейся крепко на войне.

Если ж только из-под пушек

Станешь ты гонять лягушек,

Так такой не нужен мне!

Что уж нам Господь ни судит,

Мне и то утехой будет,

Что жила за молодцом.

В плен врагам не отдавайся,

Умирай иль возвращайся

С гордо поднятым лицом,

чтоб не стыдно было детям
в час, когда тебя мы встретим,
называть тебя отцом.
Знаю, будет много горя.
Бабьих слёз прольётся море.
Но о нас ты не жалеи.
Бабы русские не слабы, –
без мужей подымут бабы
кое-как своих детей.
Обойдёмся понемногу, –
люди добрые помогут,
много добрых есть людей.
Обстрелян
душа была тревогами томима
до первого решительного дня,
до первой пули, пролетевшей мимо,
пронзившей воздух где-то близ меня.
как будто в сердце мне она вонзилась,
лишь для меня свершая свой полёт,
и странно всё во мне переменялось,
и знаю я, что я уже не тот.
и строй природы дивно перестроен,
и стал иным весь образ бытия.
и где же мирный я? Я – только воин.
всегда передо мною смерть моя.
ползёт ко мне за каждую горою,
и стережёт меня за каждым пнём,
и каждый раз я утренней зарёю
встречаюсь как бы с последним днём.
всё то, что было прежде непонятно,
здесь понял я, склонившийся к ружью,
и потому, сражённый многократно,
теперь врага бестрепетно убью.
и никогда тоскующая совесть
не будет мне когтями сердце рвать,
хотя бы дел моих отважных повесть
мне правнукам пришлось рассказать.
на подвиг
какой я был бессильный!
никому я не мог помочь.
на меня тоской могильной
веяла люта́я ночь.
я вышел в ратное поле,
сражаюсь за святую Русь.
вся жизнь моя в Божьей воле,
и я ничего не боюсь.
в ратном поле не боится
тело моё трудных дней,
и у сердца не гнездится,
не томит его тихий змей.
что мне Господь ни судит,
умру ли, домой ли вернусь,
сердце моё биться будет
любовью к тебе, моя Русь.
Вильгельм Второй
он долго угрожал, безумно смел,
бренча мечом, он вызвал бурю мщенья.
вокруг своей страны сковать сумел
вильгельм кольцо холодного презренья.
на землю падает кровавый дождь,
и многих рек от крови темны воды.
жестокость и разбой! Безумный вождь!
на что же он ведёт свои народы?
в несправедно им начатой войне
ему мечтается какая слава?
что обещает он своей стране?
какая цель? Париж или Варшава?
для прусских юнкеров земля славян,

И для германских фабрикантов рынки?
Нет, близок час, – и он, от крови пьян,
Своей империи свершит поминки.

Дух Берлина

□□ Ты ли, пасмурный Берлин,
Хочешь, злобствуя неутомимо,
□□ Притязать на блеск Афин
И на славу царственного Рима?
□□ О мещанская страна!
Всё, что совершается тобою, –
□□ Труд, наука, мир, война,
Уж давно осуждено судьбою.
□□ Принуждённость долгих дней,
Плен души и скучные обряды,
□□ Равнодушный блеск огней
На задвижках и замках ограды, –
□□ Божий гнев отяготел
На твоих неправедных границах.
□□ Сила – только сила тел.
Правда – лишь в украшенных гробницах.
□□ То, что было блеск ума,
Облеклося тусклою рутинной,
□□ И Германия сама
Стала колоссальной машиной.

Фридрихштрассе

Здесь не надо мечтать, ни к чему размышлять
□□□□ О тихом часе.

Ни одна из богинь не сойдёт погулять

□□□□ На Фридрихштрассе.

И на что бы могла простереть свою власть

□□□□ Мечта в Берлине?

Нет, я даже готов и природу проклясть,

□□□□ Идя in's Grüne.

Побеждайте

Побеждайте Сатану!

Сатана безумства хочет,

И порочит он войну,

И бессилие пророчит.

Правда, радость и любовь

Не погибнут в лютом бое.

Мы даём войне иное,

Проливая нашу кровь.

Что Господь нам заповедал?

В ад сходил и сам Господь,

И земле и казни предал

Он божественную плоть.

Кровь, и подвиг, и страданье,

И дерзанье до конца,

И тернового венца

Опьянённое лобзанье.

Бельгиец

Я – мирный гражданин страны родной,

Торгую в Конго я слоновой костью,

Но дерзостно нарушен мой покой

Тевтонскую воинственную злостью.

Кирпичный дом, построенный отцом,

Угрозами мрачат аэропланы,

А на дорогах пыль стоит столбом,

И нагло мчатся прусские уланы.

Заклятье смерти снова разлито

На веси и поля родного края,

Но в чём же виноват я? сделал что?

И в чём повинна сторона родная?

Я не хочу войны, но воевать

С презрителем границ я крепко буду,

Хотя б его тьмочисленная рать

Несла смятение и смерть повсюду.

Бестрепетно я встречу дни тревог,

Воинственных отцов я вспомню песни.

Благослови мой труд, великий Бог!

Ты, доблесть прадедов моих, воскресни!

Утешение Бельгии

Есть в наивных предвещаньях правда мудрая порой.

То, чему поверит сердце, совершит народ-герой.

Вот Сивилла развернула книгу тёмную судеб,

И прочла одну страницу в книге той гадалка Тэб.

«Прежде чем весна откроет ложе влажное долин,

Будет нашими войсками взят заносчивый Берлин,

И, награбленной добычей поживиться не успев,

Злой народ, который грабит, испытает Божий гнев».

О герой, народ бельгийский! Испытаний час настал.

Вся земля взята врагами, и Антверпен крепкий пал,

И спешат к союзным ратям утомлённые полки.

Кто измерит, сколько в душах славных рыцарей тоски!

А в Берлине ликованье, песни, смех, колокола,

И толпа опять победой и пьяна, и весела.

Но я знаю, не трепещет дух Альберта короля.

Он свободными увидит скоро милые поля.

Уж плетёт ему победа вечный лавровый венец.

Он торжественно вернётся в свой разграбленный дворец.

На полях, омытых кровью, розы мира расцветут,

И к его державе светлой Кёльн и Ахен отойдут.

Только правда – путь к победе, только верность – верный щит.

Так наивность предвещаний, так и мудрость говорит.

Стансы Польше

Ты никогда не умирала, –

Всегда пленительно жива,

Ты и в неволе сохраняла

Твои державные права,

Тебя напрасно хоронили, –

Себя сама ты сберегла,

Противоставив грозной силе

Надежды, песни и дела.

Твоих поэтов, мать родная,

Всегда умела ты беречь,

Восторгом сердца отвечая

На их пророческую речь.

Не заслужили укоризны

Твои сыны перед тобой, –

Их каждый труд был для отчизны,

Над Вислой, как и над Невою.

И ныне, в год великой битвы,

Не шлю проклятия войне.

С твоими и мои молитвы

Соединить отрадно мне.

Не дли её страданий дольше, –

Молю Небесного Отца, –

Перемени великой Польше

На лавры терния венца.

Братьям

На милый край, где жизнь цвела,

До Вислы на равнины наши,

Тевтонов ярость разлила

Огонь и смерть из полной чаши.

Как в день Последнего Суда,

Сверкай огонь, гремели громы,

Пылали наши города

И разрушались наши дома.

Когда ожесточённый бой

К иным пределам устремлялся,

На наших улицах разбой

Тевтонской рати начинался.

Презревши страх детей и дев,

На слёзы отвечая смехом,

В бесстыдство перешедший гнев

К безумным тяготел потехам.

И кровь струилася, и вновь
Вставал угарный дым пожара,
И пеплом покрывала кровь
Родных и милых злая кара.
Из милых мест нас гонит страх,
Но говорим мы нашим детям:
«Не бойтесь: в русских городах
Мы все друзей и братьев встретим».
Олегов щит
Олег повесил щит на медные ворота
Столицы цезарей ромейских, и с тех пор
Олегова щита нам светит позолота,
И манит нас к себе на дремлющий Босфор.
Века бегут на нас грозящими волнами,
Чтобы отбросить нас на север наш немой
И скрыть от наших глаз седыми облаками
Олегов светлый щит, блистающий звездой.
Но не сдержать в горах движенья снежной лавы,
Когда, подтаяв, вдруг она летит на дол, –
И Русь влечёт на щит не звонкий голос славы,
Но мощно-медленной судьбины произвол.
Имени твоему
Ещё сражаться надо много,
И многим храбрым умирать,
Но всё ж у нашего порога
Чужая разобьётся рать.
В победу мы смиренно верим
Не потому, что мы сильнее.
Мы нашей верю измерим
Святую правду наших дней.
Когда над золотою рожью
Багряные текли ручьи,
Не опозорили мы ложью
Дела высокие свои.
Да, не одною сталью бранной
Народ наш защититься мог:
Он – молот, Господом избранный!
Не в силе, только в правде Бог.
Разрушит молот козни злые,
Но слава Господу, не нам, –
Он дал могущество России,
Он даст свободу племенам.
Бой-скоуту
Двух отважных расстреляли
Беспощадные враги.
Голоса их замолчали,
Отзвучали их шаги,
И на мир уже не взглянет
Смелый взор, но память их
Сохранять историк станет
И поэта верный стих.
Так не бойся вражьей мести,
Милой жизни не жалея
Для победы и для чести
Славной родины твоей.
Чтобы ты, не зная страха,
Светлой жизни не берёг,
Вот зачем тебя из праха
В наши дни восставил Бог,
И послал на поле брани,
Чтоб и наш увидел век,
До какой высокой грани
Может прыгнуть человек.
Ночная встреча
Поднимаются туманы
Над болотом и рекой,
И деревья-великаны
Зачарованы тоской.

Я один иду дорогой.
Притворяться надо мне.
Я – мальчишка босоногий,
В здешней вырос я стране.
Там, где вражья рать засела,
Обойду я город весь.
Повторять я буду смело:
Старый дед остался здесь.
Лунный свет струится ложный.
Всё, что встречу, словно бред.
Вижу я в пыли дорожной
Чей-то странный, зыбкий след.
Пронизал мне холод кости, –
Мёртвый воин под кустом.
Не на дедовском погосте
Он нашёл свой вечный дом.
Страшно мне, что я случайно
Наступил на мёртвый след.
Сердце мне пророчит тайно
Завтра много зол и бед.
Но удастся ли мне, нет ли,
Я назад не побегу.
Не боюсь я вражьей петли,
Кончу дело, как смогу.
Ночной приказ
Шаг за шагом, осторожно
Я в полях чужих иду, –
Всё тревожно, всё возможно,
Всё в тумане и в бреду.
Росы холодны и белы,
Дрёмны росные кусты.
Все забылися пределы
Пустоты и суеты.
Нет в душе иной заботы,
Как, найдя укрытый лаз,
Принести в другие роты
Мне доверенный приказ.
Часовой
Я один на перекрёстке.
Ночь безмолвна и грустна.
Подо мною камни жёстки,
Надо мной луна бледна.
Там, за лесом, враг таится.
Зарядил и я ружьё.
Близкой смерти не боится
Сердце смелое моё.
Резко крикнул ворон чёрный,
Предвещающий беду.
Я, спокойный и покорный,
Чутко слушаю и жду.
Слышу легкий, дальний шорох.
Враг таится, знаю я.
Вот в кустах он. Вспыхни, порох,
В дуле меткого ружья!
Вражий страж
Он стережёт враждебный стан.
Бесстрашный воин он и верный.
В полях колышется туман.
Часы скользят чредою мерной.
Разведать путь приказ мне дан.
Крадусь во мгле болотной и пещерной,
Где запах злой, тяжёлый, серный.
Ползу, как змей угарных стран.
Вот близок он. Стоит. Заслышал шорох.
Я весь прилёг к земле, в траву я вник.
Я вижу блеск луны на вражьих взорах,
Усы колючие и серый воротник.
Вот успокоился. Идёт. Сейчас он ляжет.

Но что пред смертью он мне скажет?

Осенняя могила
Осень холод привела.
Листья на землю опали,
Мгла в долинах залегла,
И в лесу нагие дали.
Долго бились и ушли,
Там, где брошена лопата,
Под бугром сырой земли,
Труп бельгийского солдата.
Безвременник луговой,
Распускает цвет лиловый
Стебель ломкий и нагой
Над могилою суровой.
Где-то плачет, плачет мать,
И жена в тоске унылой.
Не придут они сломать
Цвет, возникший над могилой.

Лихорадка окопов
Томителен жар лихорадки.
В окопах по горло вода.
Под пологом серой палатки
Приляжешь, – иная беда.
Предстанет вечерняя нежить
И станет обманчиво жить,
То сладкою негою нежить,
То горькой истомой томить.
Нет, лучше скорее в штыки бы,
Прогнать бы подальше врагов,
Проникнуть туда б, за изгибы
Врага укрывающих рвов.

Дождь и сон
Мы могучи и упрямы,
Враг упорен и могуч.
Как и он, копаем ямы
Под дождём из серых туч.
Так томительно сиденье
Здесь в окопах под горой!
Друг мой сладкий, сновиденье,
Посети меня порой,
Унеси от злобы бранной,
От полей, где льётся кровь,
В край весны благоуханной,
Где увенчана любовь!

Бред в окопах
Огоньки за огоньками
Золотыми мотыльками
Задрожали в мутной мгле.
Точно с неба угольками
Кто-то сеет...

Ты ошибся. Где ты видишь
Огоньки и угольки?
Это враг твой чары деет,
Враг твой ходит по земле
В несказанном, смутном виде,
Шорох ног его ты слышишь
На бессильных травах,
Шум протянутой руки.
Дольный воздух весь в отраве, –
Ты отравой вражьей дышишь.

В огне
Лежу я в холодном окопе.

□□В какую-то цель
□□Враг дальний торопит
□□□Шрапнель.
Сражаюсь упорно и смело,
□□Врага не боюсь, –
□□За правое дело,

□□□□За Русь!
Внезапным пыланием света
□□Пронизана твердь.
□□Я знаю, что это –
□□□□Ты, смерть.
Подобно грозящей комете,
□□Ты мчишься ко мне
□□В немеркнущем свете,
□□□□В огне.
Мой подвиг окончивши яркий,
□□Приму, наконец,
□□Сверкающий, жаркий
□□□□Венец.
Пылающий конь
□□Там за рекою
□□Грозный огонь.
Близко с грозой боевою
Мчится пылающий конь.
□□В красной лампаде
□□Красный огонь.
Что же молить о пощаде!
Близок пылающий конь.
□□Грозные громы,
□□Грозный огонь.
Вот, разрушающий дома,
Мчится пылающий конь.
□□Блещет и льётся
□□Красный огонь.
Сердце томительно бьётся, –
Близок пылающий конь.
Святой Георгий Победоносец
□□Святой Георгий
□□Победоносец
Идолам не поклонился,
Славу Господу воздал.
Злой правитель разъярился,
Палача с мечом призвал.
Меч тяжёлый раздробился,
И Георгий светел встал.
□□Мечом тяжёлым
□□Сражённый трижды,
□□Воскрес трикраты
□□Святой Георгий
□□Победоносец!
Слёзы льёт народ в восторге,
Но тиран не вразумлён,
И в четвёртый раз Георгий
Умирает, поражён.
□□Он Богом призван
□□Для вечной жизни,
□□Для вечной славы,
□□Святой Георгий
□□Победоносец!
И нетлением венчанный,
На горе небес стоит,
И на каждый подвиг бранный,
Ясно радуясь, глядит.
День победы, день желанный
Славным ратям он сулит,
□□Святой Георгий
□□Победоносец!
Восторги слёз
Вошла, вздыхая, в светлый храм,
Устало стала на колени.
Звучали царские ступени,
Синел отрадный фимиам.
Горели пред распятьем свечи,
И благостно глядел Христос.

Не обещал он с милым встречи,
Но утешал восторгом слёз.
И он терпел за раной рану,
И был безумными убит.
«Я биться головой не стану
О тихий холод тёмных плит!»
Стояла долго и молилась,
Склонившись у пронзённых ног.
Тоска в покорность претворилась:
«Да будет так, как хочет Бог!»

В лазарете
Вынес я дикую тряску
□□Трудных дорог.
Сделали мне перевязку.
□□Я изнемог.
Стены вокруг меня стали,
□□С тьмою слиты,
Очи твои засияли, –
□□Здесь, милосердная, ты.
В тихом забвении жизни,
□□Зла и страстей,
Рад я вернуться к отчизне
□□Вечной моей.
Но от меня заслоняя
□□Муку и зной,
Тихой улыбкой сияя,
□□Ты предо мной.
Тихо шепнула три слова:
«Ты не умрёшь».

Сердце поверить готово
□□В нежную ложь.
Генриетта
Генриетта, Генриетта!
Я зову.
Спряталась ли где-то
Ты в траву?
Стариков не видно,
Сад их нем,
Дом, – глядеть обидно! –
Кем разрушен, кем?
Генриетта, Генриетта,
Где же ты?
Помнишь это лето,
Как с тобою мы гуляли
В чистом поле и сбирали
Там цветы?
Где дорога
Вдаль вела,
У порога
Ты меня ждала,
Так светла и весела.
Генриетта, Генриетта,
Ты была легко одета,
В белый шёлк одета.
Жемчуг был на шее,
Но твоя краса
Жемчуга милее.
Ты беспечно улыбалась,
Звонко, звонко ты смеялась,
И в ту пору разведалась
За спиной твоя коса.
Ты любила быть простою,
Как весна,
Так светла душою,
Так ясна.
Мы играли,
Мы шутили,
Мы друг друга догоняли,

И ловили,
И сбирали
В это лето
Мы цветы.
Генриетта, Генриетта,
Где же ты?
Генриетта знала
Все дороги, все пути.
Где и как пройти,
Генриетта знала.
Ей пруссак сказал: «Веди!»
Генриетта побежала
Вперед,
Путь пруссакам указала
Под шрапнели,
На штыки,
Но убить успели
Генриетту пруссаки.
Генриетта, Генриетта,
Если есть у Бога лето,
Если есть у Бога рай,
Ты в раю играй.

Земля родная
Выбранные стихи

Земля, на которой мы родились, сладчайшая сердцам нашим родина, – и мы, на земле нашей рождённые, – между нами связь неистребимая. Родину даже изгнанник не забудет и в самой благополучной чужбине. Родная земля, какая она ни есть, она – моя. Она мила мне не потому, что хороша, а потому, что она – моя, родная, особенная, единственная. И если она убога, темна, если жить в ней трудно, – что ж! это – наше горе, наша тоска, но и тоска эта нам милее чужой радости, потому что в этой тоске – зов к подвигу, к живому деланию, к преображению жизни.

Вот настроения, которые владели мною, когда складывались стихи, собранные в этой книжке.

Федор Сологуб

«Земля докучная и злая...»
Земля докучная и злая,
Но всё же мне родная мать!
Люблю тебя, о мать немая,
Земля докучная и злая!
Как сладко землю обнимать,
К ней приникая в чарах мая!
Земля докучная и злая,
Но всё же мне родная мать!
«Я люблю мою тёмную землю...»
Я люблю мою тёмную землю,
И, в предчувствии вечной разлуки,
Не одну только радость приемлю,
Но, смиренно, и тяжкие муки.
Ничего не отвергну в созданыи, –
И во всём есть восторг и веселье,
Есть великая трезвость в мечтаньи,
И в обычности буйной – похмелье.
Преклоняюсь пред Духом Великим,
И с Отцом бытие моё слито,
И созданием Его многоликим
От меня ли единство закрыто!
«Вы не умеете целовать мою землю...»
Вы не умеете целовать мою землю,
Не умеете слушать Мать Землю сырую,
Так, как я ей внемлю,
Так, как я её целую.
О, приникну, приникну всем телом
К святому материнскому телу,
В озареньи святом и белом
К последнему склонюсь пределу, –

Откуда вышли цветы и травы,
Откуда вышли и вы, сёстры и братья.
Только мои лобзанья чисты и правы,
Только мои святы объятья.
«Люблю моё молчанье...»
Люблю моё молчанье
В лесу во тьме ночей
И тихое качанье
Задумчивых ветвей.
Люблю росу ночную
В сырых моих лугах
И влагу полевую
При утренних лучах.
Люблю зарёю алой
Весёлый холодок,
И бледный, запоздалый
Рыбачий огонёк.
Тогда успокоенье
Нисходит на меня,
И что мне всё томленье
Пережитого дня!
Я всем земным простором
Блаженно замолчу
И многозвёздным взором
Весь мир мой охвачу.
Закроюсь я туманом
И волю дам мечтам,
И сказочным обманом
Раскинусь по полям.
«Восставил Бог меня из влажной глины...»
Восставил Бог меня из влажной глины,
□□Но от земли не отделил.
Родные мне – вершины и долины,
□□Как я себе, весь мир мне мил.
Когда гляжу на дальние дороги,
□□Мне кажется, что я на них
Все чувствую колёса, камни, ноги,
□□Как будто на руках моих.
Гляжу ли я на звонкие потоки, –
□□Мне кажется, что это мне
Земля несёт живительные соки,
□□Свои дары моей весне.
«Преодолел я дикий холод...»
Преодолел я дикий холод
Земных страданий и невзгод,
И снова непорочно молод,
Как в первозданный майский год.
Вернувшись к ясному смиренью,
Чужие лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И всё цветущее хвалю.
Привет вам, небеса и воды,
Земля, движенье и следы,
И краткий, сладкий миг свободы,
И неустанные труды.
«Любите, люди, землю, – землю...»
Любите, люди, землю, – землю
В зелёной тайне влажных трав.
Веленью тайному я внемлю:
«Любите, люди, землю, – землю
И сладость всех её отрав!»
Земной и тёмный, всё приемлю.
Любите, люди, землю, – землю
В зелёной тайне влажных трав.
Гимны Родине
1
О Русь! В тоске изнемогая,
Тебе слагаю гимны я.

Милее нет на свете края,
□□□О родина моя!
Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессильи хилом,
Цветком поникшим и унылым,
Восходит бледная краса.
Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.
Но и в отчаяньи есть сладость.
Тебе, отчизна, стон и радость,
И безнадёжность, и покой.
Милее нет на свете края,
О Русь, о родина моя.
Тебе, в тоске изнемогая,
□□□Слагаю гимны я.

2

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь.
И все твои пути мне милы,
И пусть грозит безумный путь
И тьмой, и холодом могилы,
Я не хочу с него свернуть.
Не заклинаю духа злого,
И, как молитву наизусть,
Твержу всё те ж четыре слова:
«Какой простор! Какая грусть!»

3

Печалью, бессмертной печалью
Родимая дышит страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.
Свобода победы ликует
В чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскует
Вдали от родимой земли.
В безумных, в напрасных томленьях
Томясь, как заклятая тень,
Тоскует о скудных селеньях,
О дыме родных деревень.
Наш Север
Где грустят леса дремливые,
Изнурённые морозами,
Есть долины молчаливые,
Зачарованные грозами.
Как чужда непосвящённому,
В сны мирские погружённому,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!
Смотрят ивы суковатые
На пустынный берег илистый.
Вот кувшинки, сном объятые,
Над рекой немой, извилистой.
Вот берёзки захирелые
Над болотную равниную.
Там, вдали, стеной несмелою
Бор с раздумьем и кручиною.
Как чужда непосвящённому,
В сны мирские погружённому,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!
Триолеты Северу

1

Вздыхает под ногами мох,

Дрожат берёзки нежно, томно,
Закрылся лес туманом скромно,
И только лес, и только мох,
И песня – стон, и слово – вздох.
Земля – мираж, и небо тёмно.
О, милый лес! О, нежный мох!
Берёзки, трепетные томно!

II

Сердце дрогнуло от радости.
Снова север, снова дождь.
Снова нежен мох и тощ, –
И уныние до радости,
И томление до сладости,
И мечтанья тихих рощ,
И дрожит душа от радости, –
Милый север! Милый дождь!

III

Купол церкви, крест и небо,
И вокруг печаль полей, –
Что спокойней и светлей
Этой ясной жизни неба?
И скажи мне, друг мой, где бы
Возносились святей
К благодатным тайнам неба
Сказка лёгкая полей!
«Один в полях моих иду...»
Один в полях моих иду.
Земля и я, и нет иного.
Всё первоначально-ясно снова.
Один в полях моих иду
Я, зажигающий звезду
В просторе неба голубого.
Один в полях моих иду.
Земля и я, и нет иного.
«Какая радость – по дорогам...»
Какая радость – по дорогам
Стопами голыми идти
И сумку лёгкую нести!
Какая радость – по дорогам,
В смиренности благостном и строгом,
Стихи певучие плести!
Какая радость – по дорогам
Стопами голыми идти!
«Что может быть лучше дороги лесной...»
Что может быть лучше дороги лесной
В полуденной, нежно-спасающей мгле!
Свой дух притаился здесь в каждом стволе.
Что может быть лучше дороги лесной,
Особенно в полдень румяной весной,
Когда ещё холод таится в земле!
Что может быть лучше дороги лесной
В спасающей, милой, полуденной мгле!
«Путь мой трудный, путь мой длинный...»
Путь мой трудный, путь мой длинный.
Я один в стране пустынной,
Но улады есть в пути,
Улыбаюсь, забавляюсь,
Сам собою вдохновляюсь,
И не скучно мне идти.
Широки мои поляны,
И белы мои туманы,
И светла луна моя,
И поёт мне ветер вольный
Речью буйной, безглагольной
Про блаженство бытия.
«По жестоким путям бытия...»
По жестоким путям бытия
Я бреду, бесприютен и сир,

Но зато вся природа – моя,
Для меня наряжается мир.
Для меня в тайне вешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запылённые ноги мои.
И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Рассыпает их в серой пыли.
«Быть простым, одиноким...»
Быть простым, одиноким,
Навсегда, – иль надолго, – уйти от людей,
Любоваться лишь небом высоким,
Лепетание слушать ветвей,
Выходить на лесные дороги
Без казны золотой, без сапог,
Позабыв городские чертоги
И толпу надоедливых, тёмных тревог.
Но на всякой тропинке
Кто-нибудь да идёт
И в руках иль корзинке
Что-нибудь да несёт.
Всюду крики, ауканье, речи,
И ребячий бессмысленный смех,
И ненужные, глупые встречи,
И бренчанье ненужных потех.
И одежды веригам подобны,
И деньгами оттянут карман,
И голодные нищие злобны,
И в домах притаился обман.
О, пустынная радость!
О, безлюдье далёких равнин!
Тишины безмятежная сладость,
И внимающий – только один.
Милый брат мой, вздымающий крылья
Выше леса и туч,
Из отчизны тупого бессилья
Унеси меня, сладкою мукой измучь...
«О, жизнь моя без хлеба...»
О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!
Иду. Смеётся небо,
Ликует в небе Бог.
Иду в широком поле,
В уныньи тёмных рощ,
На всей на вольной воле,
Хоть бледен я и тощ.
Цветут, благоухают
Кругом цветы в полях,
И тучки тихо тают
На ясных небесах.
Хоть мне ничто не мило,
Всё душу веселит.
Близка моя могила,
Но это не страшит.
Иду. Смеётся небо,
Ликует в небе Бог.
О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!
«Иду я влажным лугом...»
Иду я влажным лугом.
Томят меня печали.
Широким полукругом
Развёрнутые дали,
Безмолвие ночное
С пленительными снами,
И небо голубое

С зелёными краями, –
Во всём покой и нега,
Лишь на сердце тревога.
Далёко до ночлега.
Жестокая дорога!
«Есть соответствия во всём...»
Есть соответствия во всём, –
Не тщетно простираем руки:
В ответ на счастье и на муки
И смех и слёзы мы найдём,
И если жаждем утешенья,
Бежим далёко от людей.
Среди лесов, среди полей
Покой, безмыслие, забвенье.
Ветвями ветер шелестит,
Трава травую так и пахнет.
Никто в изгнании не чахнет,
Не презирает и не мстит.
Так, доверяясь природе,
Наперекор судьбе, во всём
Мы соответствия найдём
Своей душе, своей свободе.
«Как ни грозит нам рок суровый...»
Как ни грозит нам рок суровый,
Но снова вспаханы поля,
И всходы вновь даёт земля.
Как ни грозит нам рок суровый,
Но всюду знаки жизни новой
И взлёт свободный, без руля.
Как ни грозит нам рок суровый,
Но снова вспаханы поля.
«Всё хочет петь и славить Бога...»
Всё хочет петь и славить Бога, –
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.
Они зовут за словом слово,
И песню их из века в век
В иных созвучьях слышит снова
И повторяет человек.
«Гляжу на нивы, на деревья...»
Гляжу на нивы, на деревья,
На реки, долы, стены круч,
И на воздушные кочевья
Свинцовых и жемчужных туч, –
И терпеливою душою
Их тайну постигаю я:
За их завесою цветною
Родные снятся мне края.
«Все эти ваши слова...»
Все эти ваши слова
Мне уж давно надоели.
Только б небес синева,
Шумные волны да ели,
Только бы льнула к ногам
Пена волны одичалой,
Сладко шепча берегам
Сказки любви небывалой.
«Мы скучной дорогою шли...»
Мы скучной дорогою шли
□□По чахлой равнине.
Уныло звучали шаги
□□На высохшей глине,
А рядом печально росли
□□Берёзки на кочках.
Природа больная! Солги
□□В колосьях, в цветочках.
Обмана мы жаждем и ждём,

□□Мы жаждем обмана.
Мы рвёмся душой к небесам
□□Из царства тумана.
Мы скучной дорогой идём
□□Вдоль скудного поля.
Томительно грезится нам
□□далёкая воля.
«Земле раскрылись неслучайно...»
Земле раскрылись неслучайно
Многообразные цветы, –
В них дышит творческая тайна,
Цветут в них Божии мечты.
Что было прежде силой косной,
Что жило тускло и темно,
Теперь омыто влагой росной,
Сияньем дня озарено, –
И в каждом цвете, обаяньем
Невинных запахов дыша,
Уже трепещет расцветаньем
Новорождённая душа.
«Из мира чахлой нищеты...»
Из мира чахлой нищеты,
Где жёны плакали и дети лепетали,
Я улетал в заоблачные дали
В объятьях радостной мечты,
И с дивной высоты надменного полёта
Преображал я мир земной,
И он сверкал передо мной,
Как тёмной ткани позолота.
Потом, разбуженный от грёз
Прикосновеньем грубой жизни,
Моей мучительной отчизне
Я неразгаданное нёс.

Возвращение

Медлительные взоры к закату обращая,
Следя за облаками и за полётом птиц,
Сидела при дороге красавица лесная, –
И зыблилась тихонько, мечту и тень роняя
На смуглые ланиты, густая сень ресниц.
Она припоминала в печальный час вечерний
Таинственные дали, – родимые края,
Где облако понятней, где роща суеверней, –
Куда, бывая фея, любовь дочерней
Влеклась она, страдая и грусть свою тая.
Был день: презревши чары и прелести ночные,
С жезлом своим волшебным рассталась она,
Венок благоуханный сняла с чела впервые,
И, как простая дева, в обители простые
Вошла, и человеку женою отдана.
На дальнем горизонте синеющей чертою
Виднелся лес дремучий, – то лес её родной...
Туда она глядела вечернею зарёю, –
Оттуда к ней домчался с призывною тоскою
Лазурный тихий голос: «Вернись, дитя, домой».
И в голосе далёком ей слышалось прощенье,
Она улыбкой тихой ответила на зов,
С людьми не попрощалась, оставила селенье
И быстро тенью лёгкой исчезла в отдаленье...
Влекла её в отчизну дочерняя любовь.
«Вечер мирный наступил...»
Вечер мирный наступил
День за рощею почил,
В роще трепетная мгла
И прозрачна, и светла.
Из далёкой вышины
Звёзды первые видны.
Между небом и землёй
За туманною чертой

Сны вечерние легли,
Сторожа покой земли.
Россия – любовь
Небо наше так широко,
Небо наше так высоко, –
О Россия, о любовь!
Побеждая, не ликуешь,
Умирая, не тоскуешь.
О Россия, о любовь,
Божью волю славословь!
Позабудь, что мы страдали.
Умирают все печали.
Ты печалей не кляни.
Не дождёшься повторений
Для минувших оболещений.
Ты печалей не кляни.
Полюби все Божьи дни.
Россия
Ещё играешь ты, ещё невеста ты.
Ты, вся в предчувствии высокого удела,
Идёшь стремительно от роковой черты,
И жажда подвига в душе твоей зардела.
Когда поля твои весна травой одела,
Ты в даль туманную стремишь свои мечты,
Спешишь, волнуешься, и мнёшь, и мнёшь цветы,
Таинственной рукой из горнего предела
Рассыпанные здесь, как дар благой тебе.
Вчера покорная медлительной судьбе,
Возмущена ты вдруг, как мощная стихия,
И чувствуешь, что вот пришла твоя пора.
И ты уже не та, какой была вчера,
Моя внезапная, нежданная Россия.
Гимн
Да здравствует Россия,
Великая страна!
Да здравствует Россия!
Да славится она!
Племян освободитель,
Державный русский меч,
Сверкай, могучий мститель,
В пожаре грозных сеч.
Да здравствует Россия,
Великая страна!
Да славится Россия!
Да процветёт она!
Не в силе Бог, не в силе,
А только в правде Он.
Мы правдой освятили
Свободу и закон.
Да славится Россия,
Великая страна!
Да здравствует Россия!
Да славится она!
На подвиг
Какой я был бессильный!
Никому я не мог помочь.
На меня тоской могильной
Вяла лютая ночь.
Я вышел в ратное поле,
Сражаюсь за святую Русь.
Вся жизнь моя в Божьей воле,
И я ничего не страшусь.
В ратном поле не боится
Тело моё трудных дней,
И у сердца не гнездится,
Не томит его тихий змей.
Что мне Господь ни судит,
Умру ли, домой ли вернусь,

Сердце моё биться будет
Любовью к тебе, моя Русь.

«Ожиданья дни жестоки...»

Ожиданья дни жестоки.

Истомилася любовь.

На враждующем Востоке

Льётся братьев наших кровь.

И, о мире воздыхая,

Слёзно Господа моля,

Вся от края и до края

Стонет русская Земля.

Слёзы матери печальной!

Кто ведёт вам поздний счёт?

Кто стране многострадальной

Утешенье принесёт?

Имени твоему

Ещё сражаться надо много,

И многим храбрым умирать,

Но всё ж у нашего порога

Чужая разобьётся рать.

В победу мы смиренно верим

Не потому, что мы сильнее.

Мы нашей верою измерим

Святую правду наших дней.

Когда над золотою рожью

Багряные текли ручьи,

Не опозорили мы ложью

Дела высокие свои.

Да, не одною сталью бранной

Народ наш защититься мог:

Он – молот, Господом избранный!

Не в силе, только в правде Бог.

Разрушит молот козни злые,

Но слава Господу, не нам, –

Он дал могущество России,

Он даст свободу племенам.

19 июля 1915 г

Год испытаний, год суровый!

Тебя душа благословит, –

Заря гражданственности новой

Над нами в небесах горит.

Моя Россия верит верно,

Что наш чертог неколебим,

Что мужество солдат безмерно,

И что врага мы победим.

Моя Россия твёрдо знает,

Своею верою горда,

Каким позором угрожает

Ей ненавистная орда,

И всё приняв её стремленье,

Всю мощь орудий и машин,

Не упадёт в изнеможеньи

В пыли растоптанных долин.

Пылай, заря, восторгом новым,

И перед нами освети

В дыму губительном, багровом

К победе верные пути!

Как ни свирепствует судьбина,

Как вражья сила ни гнетёт,

Свободный подвиг гражданина

Тебя, Россия, вознесёт.

Год испытаний, год суровый!

Тебя душа благословит, –

Заря гражданственности новой

Над нами в небесах горит.

В этот час

В этот час, когда грохочет в тёмном небе грозный гром,

В этот час, когда в основах сотрясается наш дом,

В этот час, когда в тревоге вся надежда, вся любовь,
И когда сильнейший духом беспокойно хмурит бровь,
В этот час стремите выше, выше гордые сердца, –
Наслаждается победой только верный до конца,
Только тот, кто слепо верит, хоть судьбе наперекор,
Только тот, кто в мать не бросит камнем тягостный укор.

Алый мак

Книга стихов

Мечта

«Ах, мечта о многом говорит!..»

Ах, мечта о многом говорит!

Вешний лес, таинственная тень,

Вешняя, пленительная лень.

Ах, мечта о многом говорит!

Позабуду всё, что близко здесь

Докучает, мучит и томит.

Для меня мечта – покров и щит.

Предо мной – украшенная весь.

Ах, мечта улыбочиво-пестра!

Огнецветы на моём пути

Рассыпает, – пахнуть и цвести.

Ах, мечта улыбочиво-пестра!

Кто устал грустить, бегите к ней.

Утомлённому мечтать пора.

Пламенем одетая Сестра

Мне венок сплетает из огней.

Ах, мечта сжигает дымный день!

И когда она подносит яд,

От неё и смерти будешь рад.

Ах, мечта сжигает дымный день!

«Вокруг туман. Не знаю сам...»

Вокруг туман. Не знаю сам,

Зачем подъят фиал вечерний.

Мечта томит всё суеверней,

В душе воссоздан древний храм,

И к недоступным небесам

Подъемлю вновь фиал вечерний.

О суеверная мечта!

Печален пир мой одинокий!

Склонился сон глубокоокий,

Лобзая бледные уста.

Завеса полуподнята, –

Но грустен пир мой одинокий.

«Я, мечтавший одиноко...»

Я, мечтавший одиноко,

Был для мира слеп и глух,

Но не зорями ль востока

Озарён восставший дух?

И не к алому ль восходу

В расцветающей тиши

Устремляю я свободу

Вдруг встревоженной души?

«Всё минувшее забыто...»

□□Всё минувшее забыто,

И мечта, как старый Репосчёт,

□□Ожиданьям и надеждам

Человечий образ придаёт.

□□Изукрашены чертоги,

Дышит смех в торжественных садах,

□□Люди светлые проходят,

И горит весёлость в их глазах.

«Блаженство мне – мои страданья...»

Блаженство мне – мои страданья.

Предтечи смерти – увяданья

С отрадой вижу я черты.

Так увядание берёзы

Её листву оденет в грёзы

Неизъяснимой красоты.

«Там, где улицы так гулки...»
Там, где улицы так гулки,
Тихо барышня идёт,
я её уж в переулке
Близко, близко ангел ждёт.
Крыльев ангелу не надо, –
□□Светлый дух,
От людей не отличаясь,
□□Он глядит.
Подал девушке он руку
И ведёт её туда,
На неведомую реку,
Где нездешняя вода.
У него в очах отрада, –
□□Светлый дух!
Тихо деве улыбаясь,
□□Он глядит.
Перед ними блеск чертога,
Восходящего до звезд.
Вместе всходят до порога
На сияющий подъезд.
Тихо спрашивает дева:
«Где же рай?»
Ей привратник отвечает:
«Наверху».
Перед ней открылись двери.
Сердце замерло в груди.
Светлый рай обещан вере.
Что же медлишь ты? Войди.
Звуки дивного напева.
□□Светлый рай
Перед девою ликует
□□Наверху.
Поднимается на лифте,
И не рай, квартира тут.
Ах, мечтанья, осчастливьте
Хоть на двадцать пять минут.
«Мне короли сказали...»
□□Мне короли сказали:
«О чём твоя печаль?
Сложи воздушные вуали,
□□И к берегу причаль».
И я смиренно отвечала:
«Простите, короли,
□□В моей ладье причала
□□Для тёмной нет земли.
Быть может, вас я опечалю,
□□Четыре короля,
□□Но я туда причалю,
□□Где милая земля.
□□Уста мои не алы,
□□И кормчий мой устал,
□□А вы откройте залы
Для дев, мечтающих про бал».
Растроганный моей печалью,
□□Один из королей
□□Сказал мне, что за далью
□□Есть много кораблей.
□□И все зарёю алой
□□К неведомой земле
Пойдут за мною, за усталой,
□□Тоскующей во мгле.
И я, сплетя венки азалий,
□□Послала королю
□□Сказать из милых далей,
□□Что я его люблю,
Но для его седых метелей,
□□В его немую мглу

Я не сойду с качелей,
Поющих мне хвалу.
«Мечты о славе! Но зачем...»
Мечты о славе! Но зачем
Кумир мне бронзовый иль медный,
Когда я в жизни робко-нем,
Когда я в жизни странник бледный?
На шумных улицах, где я
Иду, печальный и усталый,
Свершать в пределах жития
Мой труд незнаемый и малый,
На перекрёстке, где-нибудь,
Моё поставят изваянье,
Чтоб опорочить скорбный путь
И развенчать моё изгнание.
О суета! О бедный дух!
Честолюбивое мечтанье!
Враждебно-чуждых жизней двух
Столь незаконное слиянье!
Я отрекаюсь наперёд
От похвалы, от злой отравы,
Не потому, что смерть взойдёт
Предтечею ненужной славы,
А потому, что в мире нет
Моим мечтам достойной цели,
И только ты, нездешний свет,
Чаруешь сердце с колыбели.
Влюблённость
«Всё прекрасно в мире нашем!..»
Всё прекрасно в мире нашем!
Слышишь, бьётся в жилах кровь, –
Как вино по ёмким чашам,
По сердцам кипит любовь.
Как светильники на пире
Ярким пламенем горят,
Светлой правды в нашем мире
Взоры яркие блестят.
Как фиалки запах нежный,
В мирозданьи разлита
И стихией безбрежной
Нежно плещет красота.
Есть печали, есть разлуки, –
Утешительница есть,
Дружба, дружеские руки
Торопящаяся свесть.
Путь ли трудный выбрать нужно,
Но сладчайшая одна
Есть утеха, – с мужем дружно
В путь идущая жена.
«В ночной воде купаться мило...»
В ночной воде купаться мило:
Она темна, она тепла,
Пленительная охватила
И так любовно повлекла.
В полях туман блуждает белый,
Трава ночную влагу пьёт,
И в роще соловей несмелый
О чем-то сладостно поёт.
Я слышу близко поцелуи.
Иль это вздохи? Не пойму.
Отрадные согрели струи
Меня, влюблённого во тьму.
«Звнящее детское пенье...»
Звнящее детское пенье
Я слушал в торжественный день,
И в душу сошло умиленье,
Утраченной юности тень.
Под сводами храма звучали

Как будто бы гимны небес.
Забылись мирские печали,
Рой мелких желаний исчез,
И звуки встречал я так жадно
Раскрытой душою моей,
И было смотреть мне отрадно
На глупые лица детей.
«Что в жизни мне всего милей?..»
Что в жизни мне всего милей?
Не это ль светлое мечтанье
Под тихозвучное журчанье
Твоё, пленительный ручей?
И как мне радостны пески,
Кусты, и мирная равнина,
И нежная от влаги глина,
И разноцветные жучки.
«В синем небе тучки белые...»
В синем небе тучки белые,
Словно в речке детки смелые.
Ветер носится над нивою,
Словно конь с косматой гривой.
Детки весело купаются,
Словно тучки колыхаются.
Конь бежит дорогой торною,
Словно ветер с бурей чёрною.
«Тихо веет ветер...»
Тихо веет ветер,
Сладкий, как вино.
Поскорее настезь
Распахну окно.
Преодо мною липы
Льётся аромат,
Листьями чуть слышно
Ветки шелестят,
Пламенеет небо,
Горы, облака,
И, колыша струи,
Искрится река.
«Не гаси в своём сердце пожар...»
Не гаси в своём сердце пожар,
И часы-мимолетки лови
Упоительно-сладостных чар
Восхитительно нежной любви.
Ненадолго нам юность дана.
Скоро стынет горячая кровь.
Знает молодость только одна
Молодую, живую любовь.
Слёзы
Ты печальна. Друг мой, слёзы
Робкой волей не глуши:
С ними легче жизни грозы
Для тоскующей души.
Слёзы – слабому отрада;
Слёзы женщине-рабе
Богом даны, как услада
В угнетающей судьбе.
У арабов есть сказанье,
Что из светлых женских слёз,
Пролитых в ночи страданья,
Появились кущи роз.
Благовонными цветами
Украшается весна,
Но росистыми слезами
Омывает их она...
Не стыдись же слёз и плача,
Не стыдись, моё дитя;
Провожай ты горе, плача,
Не безвыходно грустя;

И из слёз, тобой пролитых,
В сердце чутком скоро вновь
Вместо горестей забытых
Зацветёт твоя любовь.
«Ярко солнце блещет...»
Ярко солнце блещет, –
Взор к земле прикован,
Тленной красотой
Разум очарован.
Потемнеет небо,
Звёзды загорятся, –
Смело в бесконечность
Думы устремятся.
Солнце – лжи источник,
Обольстивший очи;
Правда – собеседник
Бодрствующей ночи.
«И сердце склонялось ко сну...»
И сердце склонялось ко сну,
И тени мои вырастали,
И снова меня в тишину
□□Погружали,
А поезд на рельсах гремел.
Мечтал я лесами и нивой,
И небом над миром висел
□□Я, счастливый.
«Наперекор осенней скуке...»
Наперекор осенней скуке
Кистями красными рябин
Я утешаюсь в разлуке
С пахучей радостью долин.
Люблю томительное время
Я на террасе провожать,
Люблю рябиновое семя
Из красных ягод вынимать,
Люблю и лёгкий вкус миндальный
Семян-малюток, и к чему
Я стану думою печальной
Мешать покою моему?
«Что когда-то жило...»
Что когда-то жило,
Что взяла могила,
По ночам встаёт,
Грусть-тоску наводит,
И желаньем бродит,
И мечтой цветёт,
И от сна земного
Воскресают снова
Звуки и цвета,
И во мраке ночи
Вновь сверкают очи,
Говорят уста.
«Я пришла к тебе в порфире...»
Я пришла к тебе в порфире
И в венце из жемчугов,
Чтоб сказать, что в целом мире
Дорог мне один твой кров.
И потом пришла с цветами,
Окропленными росой,
Чтобы с грустными глазами
Постоять перед тобой.
И опять пришла босая,
В ризе бедной и простой,
Робких глаз не поднимая,
Как раба, перед тобой.
И теперь пришла нагая,
Потому что страсть зажглась, –
И вздыхая, и желая,

Я навеки отдалась.
«Когда приходит в час внезапный...»
Когда приходит в час внезапный
Любовь безумная, как сон,
Кто спросит: «Был ли сон желанный?
Не поиграть ли нам в серсо?»
Не поворачишь колесо
Вре́мен назад к стране туманной,
Где сон над жизнью вознесён,
Над жизнью милой и внезапной.
«Над красавицею Сеной...»
Над красавицею Сеной
Еду я по Malaquai.
Сердце так же веселится,
Как на милой на Оке,
Позабыв о тёмном плене,
О скитальческой тоске.
Пылью лёгкою дымятся
Quais Voltaire et Malaquai.
Троицын день
В Троицу, в Троицу пахучи берёзки.
В Троицу, в Троицу зелёная трава.
В Троицу, в Троицу и камни не жёстки.
В Троицу, в Троицу ласковы слова.
Троицын день самый душистый,
Самый радостный день в году.
Троицын день пташкой серебристой
Поёт-заливается в каждом саду.
В Троицу, в Троицу священные ветки.
В Троицу, в Троицу святая вода.
В Троицу, в Троицу весёлые детки.
В Троицу, в Троицу не плачут никогда.
Троицын день весь в надежде
На ясный расцвет жизни молодой.
Троицын день нынче, как прежде,
Звучный, зелёный, яркий, золотой.
«Обыдотилась совсем...»
Обыдотилась совсем,
Такая стала несравненная,
Почти что ничего не ем
И улыбаюсь, как блаженная,
И, если душой назовут,
Приподниму я брови черные.
Мои мечты в раю цветут,
А здесь все дни мои покорные.
Быть может, так и проживу
Никем не узнанной царицею,
Дразня стоустую молву
Всегда безумной небылицею.
«Не презирай хозяйственных забот...»
Не презирай хозяйственных забот,
Люби труды серпа в просторе нивы,
И пыль под колесом, и скрип ворот,
И благостные кооперативы.
Не говори: «Копейки и рубли!
Завязнуть в них душой – такая скука!»
Во мгле морей прекрасны корабли,
Но создаёт их строгая наука.
Молитвы и мечты живой сосуд,
Господень храм, чертог высокий Отчий,
Его внимательно расчислил зодчий.
Его сложил объединённый труд.
А что за песни спят еще в народе!
Какие силы нищета гнетёт!
Не презирай хозяйственных забот, –
Они ведут к восторгу и к свободе.
«Когда тебя заставят выбирать...»
Когда тебя заставят выбирать

□□Направо путь иль путь налево,
и на обоих станут угрожать
□□Двоякою личиной гнева,
□□И скажут, злобясь и дразня:
«Подумай, выбирай любое,
Иди направо, потеряй коня,
Налево, – сам погибни в лютом бое», –
□□Не выбирай, и не иди
По той стезе, которая открыта.
□□Путь заграждённый впереди,
Он – твой! Дерзанье – смелому защита.

Плен

«Господи, прости!..»

Господи, прости!

На моём земном пути

Было много злости.

Выл я по ночам

И с такими ж, как я сам,

Грызся из-за кости.

Всё ж я верен был

И тебя любил,

Мой хозяин милый.

Над моей могилой

Напиши стишок:

«Здесь лежит Волчок,

Верный мой дружок».

«Я – фиделька, собачка нежная...»

Я – фиделька, собачка нежная

На высоких и тонких ногах.

Жизнь моя течёт безмятежная

У моей госпожи на руках.

Ничего не понюхаю гадкого,

Жёсткого ничего не кусну.

Если даст госпожа мне сладкого,

я ей белую руку лизну.

А подушка моя – пуховая,

и жизнь моя – земной рай.

Душа моя чистопсовая,

Наслаждайся, не скули, не умирай!

«Досталась мне странная доля...»

Досталась мне странная доля,

Но я на нее не ропщу.

В просторе холодного поля

Чего-нибудь съесть поищу.

Из тинистой, вязкой канавы

Напьюсь тепловатой воды.

Понюхаю тонкие травы,

Где старые чахнут следы.

Заслышу ли топот лошадки

На гулком вечернем шоссе,

в испуге бегу без оглядки

и прячусь в пахучем овсе.

Но знаю я, будет мне праздник,

душа моя в рай взлетит,

когда подгулявший проказник

мне камнем в висок угодит.

Взметнусь я, и взвою, и охну,

на камни свалюся, и там,

помучившись мало, издохну,

и Богу я дух мой отдам.

«Милый Бог, моя жизнь – Твоя ошибка...»

Милый Бог, моя жизнь – Твоя ошибка.

Ты меня создал не так.

Разве можно того, чья душа – улыбка,

сделать товарищем буйных собак!

я не хотел Твоих планов охаять,

думал: «Попытаюсь собакою быть».

Кое-как я научился лаять,

И даже привык на луну выть.
Но всё же, милый БОГ, мне тяжко.
Быть собакой уж и сил нет.
Ну какая ж, подумай, я – дворняжка!
Я искусство люблю, я – поэт.
«Самоуверенный и надменный...»
Самоуверенный и надменный,
Но, на мой взгляд, глупый и жалкий,
Поэт в панаме драгоценной
Замахнулся на меня палкой.
Что же ты, глупый, так испугался?
Ведь я же на тебя не лаю.
В жизнь мою никогда я не кусался,
Я только песни да поэмы слагаю.
Ты не поймёшь, что живу не напрасно,
Что мой подвиг собачий чего-нибудь стоит.
Ведь в полночь никто так печально и страстно,
Как я, на луну не завоет.
Такою тоскою ты, умник жалкий,
Никогда своих стихов не напоишь.
Тебе бы лишь кричать да махать палкой.
Ты от тоски никогда не завоюешь.
Проходи же, стихослагатель грубый,
В меня камней трусливо не швыряя.
В икры твои я не вонжу свои зубы
Даже и ночью, жестоко страдая.
Проходи, проходи без шума и без ссоры.
Я презираю твой голос нахальный,
Твой смех презрительный, гордые взоры
И твой воротничок высокий, крахмальный.
Если меня с дороги ты погонишь,
Что ж, убежать от людей не впервые.
Но берегись, – размахавшись палкой, уронишь
На песок дороги глаза надставные.
Недоля
«Холодный ветерок осеннего рассвета...»
Холодный ветерок осеннего рассвета
Повеял на меня щемящею тоской.
Я в ранний час один на улице пустой.
В уме смятение, вопросы без ответа.
О, если бы душа была во мне согрета
Надеждой на ответ, могучей жаждой света!
Нет и желанья знать загадки роковой
Угрюмый смысл, почти разгаданный судьбой.
«Текут события без цели и без смысла, –
Давно я так решил в озлобленном уме, –
Разъединенья ночь над весями повисла,
Бредём невесть куда, в немой и злобной тьме,
И тьмы не озарят науки строгой числа,
Ни звучные хвалы в торжественном псалме».
«Злая недоля моя!..»
Злая недоля моя!
Ты мне твердишь: «Не помилую!»
Тёмная злоба твоя
Жизнь отравила постылую.
Вера, надежда, любовь
Смяты недолей проклятою.
Что ни взгляну в себя, вновь
Встречусь с душевной утратою.
Из упоительных чар,
Лишь обольстив меня каждую,
Горький дала ты мне дар, –
Сердце, томимое жаждою.
Канна
В грустном раздумьи стою перед канной,
Великолепной и благоуханной.
Узкий цветок заалел лепестками,
Словно кто сердце горячее вынул,

Сжал над цветком беспощадно руками,
И любовался потоком, что хлынул
Неудержимо и, венчик обнявши,
Узкую жёлтую чашечку минул,
В землю неслышно по капле сбежавши.
Новой красой лепестков обагрённых
Узкие листики чашечки были
Так пленены, что на время забыли
Думать о братьях своих отдалённых.
Да позабыли на время, что каннам
Цвезть бы на родине, в Индии жаркой,
Там, под лазурью пленительно-яркой,
В крае покинутом, в крае желанном.
Да ненадолго. Богатая зала
Тесно смыкалась над бедною канной,
Света так мало, и воздуха мало,
День такой серый, холодный, туманный.
Листики поняли грустную долю,
Прокляли мрак наш и нашу неволю,
Тихо свернулись, уныло поблёлкли,
И, наклоняясь, медлительно сохли.
«Рукоятью в землю утвердивши меч...»
Рукоятью в землю утвердивши меч,
Он решился грудью на клинок налечь,
Ратной неудачи искупить позор, –
И перед кончиной горд был ясный взор.
Пораженьем кончен мой неравный бой
С жизнью неудачной, с грозною судьбой, –
Мне бы тоже надо навсегда заснуть,
Да пронзить мне страшно трепетную грудь.
«Ты к сплетням людским равнодушна...»
Ты к сплетням людским равнодушна,
Судьбе, как раба, ты послушна.
Движенья уверенно стройны,
Черты твои строго спокойны.
Но верить ли этим приметам?
Давно ты боролась со светом,
Давно уж во мраке ненастья
Не знаешь ни ласки, ни счастья...
И море, затихнув от бури,
Блестит отраженьем лазури,
Но стихла ли в бездне тревога,
Спроси, если смеешь, у Бога.
«Он изнемог под тяжестью креста...»
Он изнемог под тяжестью креста,
И пал со стоном на колени, –
Но вновь сомкнулися пречистые уста,
И не роняли пени,
Бездушная толпа теснилася кругом,
Ругаяся его страдальческому лику,
И молча он, склоненный под крестом,
Внимал их бешеному крику.
«Непорочно зачатое Слово...»
Непорочно зачатое Слово
В целомудренном лоне созрело,
Без болезни на свет народилось,
Без греха в тишине возрастало,
Наконец перед миром явилось,
И пошло по лачугам убогим,
По дорогам и рынкам шумливым,
Исцеляло чудесно недуги,
Врачевало душевные раны.
Ополчилась коварная злоба,
И нашёлся предатель Иуда,
И казнили невинное Слово, –
На высоком кресте пригвоздили.
Но воскресло могучее Слово,
И возносится в горние дали

И высоко над миром сияет.
Эта древняя, чудная повесть
На земле повторяется вечно.
«Родился сын у бедняка...»
Родился сын у бедняка.
В избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая рука,
Седые космы разбирая,
За повитухиной спиной
Старуха к мальчику тянулась,
И вдруг уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.
Шепча невнятные слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понял колдовства.
Прошли года своей чредою, –
Сбылось веленье тайных слов:
На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака тёмного бежали.
«Оскверняешь ложью...»
Оскверняешь ложью
Ты простор полей,
Называешь Божью
Землю ты своей.
Даже гор уступы
Осквернил хулой.
О, какой ты глупый!
О, какой ты злой!
«Полон ты желаньем дела...»
Полон ты желаньем дела,
И на подвиг ты готов.
Пред тобою заалела,
Как заря, твоя любовь.
Что ж, иди, пора приспела,
Только знай, что путь суров.
Много встретишь ты врагов.
Слышишь, злоба зашипела?
Клевета растёт, язвит,
И ничто не защитит
Грудь твою от злого жала.
Жертвуй людям, но не жди,
Чтоб хвала тебя венчала, –
Нет, осмеянный иди.
«Весенние воды, что девичьи сны...»
Весенние воды, что девичьи сны:
В себе отражая улыбки весны,
Шумят и сверкают на солнце оне
□□И шепчут: «Спасибо весне!»
Осенние воды – предсмертные сны:
С печальным журчаньем, всегда холодны,
По вязкой земле, напоённой дождём,
□□Текут они мутным ручьём.
«Молодая вдова о почившем не может, не хочет скорбеть...»
Молодая вдова о почившем не может, не хочет скорбеть.
Преждевременно дева всё знает, – и счастье её не манит.
Содрогаясь от холода, клянчит старуха и прячет истертую медь.
Побледневший колодник сбежавший в лесу у ручья, отдыхая, лежит.
О любви вдохновенно поёт на подмостках поблекший певец.
Величаво идёт в равнодушной толпе молодая жена.
Что-то в воду упало, – бегут роковые обломки колец.
Одинокая спешная ночь и трудна, и больна.
Кто же ты, где же ты, чаровница моя?
И когда же я встречу тебя, о царица моя?
«Восторгом ярким скоротечно...»
Восторгом ярким скоротечно
Воспламенён ты, милый друг,
Но верь, пылать не будет вечно

Великодушный твой недуг.
Теперь, пока ты юн, беспечно
И весело глядишь вокруг,
Пылаешь ты простосердечно
И в холоде житейских вьюг.
Но день придёт, душа устанет
И грёзы пылкие проклянет,
Благоразумен станешь ты,
Пойдёшь обычными путями,
И будешь робкими устами
Хвалить томленья Суеты.
«Полынь отчаянья на нивах вновь растя...»
Полынь отчаянья на нивах вновь растя,
Дни тёмные над родиной нависли,
А мы, беспечные, играя и шутя,
Помочь голодному грошами собрались ли?
Что мы потратили, безделье золотя,
О том не говори, того не числи.
Молчи, поэт, пугливое дитя!
Какие б горькие в тебе ни зрели мысли,
Их в люди не пускай в одежде резких слов.
Вот медные дожди рассчитанных даров
На стогнах сыплются, нещедры и нелепы.
Смотри на них, свой гнев глубоко затаив, –
Толпы всегда пред истиной свирепы,
А ты, поэт, всегда застенчив и пуглив.

Утро
Мутное утро грозит мне в окно,
□□В сердце – тревога и лень.
Знаю, – мне грустно провесть суждено
□□Этот неласковый день.
Знаю, – с груди захирелой моей
□□Коршун тоски не слетит.
Что ж от его беспощадных когтей
□□Сердце моё защитит?
Сердце, сberi свои силы, борись!
□□Сердце мне шепчет в ответ:
«Силы на мелочь давно разошлись,
□□Сил во мне больше и нет!»
«Насыщен воздух влагою...»
Насыщен воздух влагою
И холодом объят,
А капли пара тонкого
С земли в него летят.
Туманами окутана,
Из глаз исчезла даль,
Трава росую плачется
На горькую печаль.
Моя душа подавлена
Великою тоской
И, как мертвящим холодом,
Объята тишиной, –
И впечатленья новые
Мне горько-тяжелы:
Их радость претворяется
В смятенье зыбкой мглы.
«Небо бледно-голубое...»
Небо бледно-голубое,
Звёзды трепетно мерцают,
Тучки бледною толпою,
Точно призраки, мелькают.
Спит в тумане бледном поле.
Мглой задернулись дали.
Внемля горькой, горькой боли,
Сердце ноет от печали.
«Чайка, предвестница бури...»
□□Чайка, предвестница бури,
Вьётся над морем с пронзительным криком,

Тучи сгоняют прозрачность лазури,
Волны хохочут в веселии диком.
Грусть, как предвестница горя,
Реет над сердцем моим утомлённым.
Думы, как волны сурового моря,
Тяжко владеют умом полонённым.
«Не терпит жизнь помех...»
Не терпит жизнь помех.
В её русло валить каменья
И преграждать её течение –
Незамолимый грех.
Чтоб не погибли наши нивы,
Ты хочешь реку обуздать!
О нет, пора бы знать:
Не страшны вольные разливы, –
Внезапны и страшны
Проказы скованной волны!
«Между каменных громад...»
Между каменных громад
Захирелые берёзы.
На ветвях у них блещут
Бриллиантовые слёзы.
Бледный мальчик к ним пришёл;
Ствол берёзы обнимая,
С нею тихо речь повёл:
«Ах, берёзка дорогая!
Что ты плачешь по утрам?
Что ты ветки опустила?» –
«Не мила столица нам!
Видишь, – пыль нас облепила.
Вот и трудно нам дышать,
Вот и льются наши слёзы.
Нам и солнца не видать!»
И заплакали берёзы.
«Какая тишина! Какою ленью дышит...»
Какая тишина! Какою ленью дышит
Дремотный сад!
Какою радостью беспечной пышет
Его закат!
Мой старый клён, ты прожил много,
Но что ты рассказать бы мог?
Спокойна и убога, –
Перед тобою сеть дорог.
Поник ты старыми ветвями
Над одинокою скамьёй.
Весенними ночами
Ты слушал речи страсти молодой?
Видал ты здесь потайные свиданья?
Хранил ты на коре своей
Следы ножа – немые начертанья,
Понятные лишь ей?
Скучающий старик, едва ли
В твоей тени
Слова любви звучали,
Едва ли пролетали
Ликующие дни.
Вот сыплет ночь движением нескорым
Рой звёзд на небе бледно-голубом,
И бледная луна над косогором
Взошла серпом.
Заснувшая беззвучно деревушка
Так ярко вся луной озарена,
Что каждая лачужка,
Как на столе красивая игрушка,
Мне в ней отчетливо видна.
Загадочные силы!
Когда взойдёт над ними день?
Темнее сумрака могилы

Их обнимающая тень.
«Ночью морозной и тёмной...»
□□Ночью морозной и тёмной
□□Старец бездомный
□□В поле бредёт, замирая.
□□Холод его усыпляет,
□□Снежный сугроб намедает
□□Вьюга седая.
□□Вьюга метёт,
□□Вьюга поёт:
«Вихри снежные вью,
Песни в поле пою.
Люблю я широкий и вольный простор,
Степей без конца и без краю.
В селеньях людских и в ущелиях гор
Я бешено рвусь и рыдаю».
Он изнемог. Надвигается мгла,
Ветер отваял от сердца печали,
Снежные хлопья его приласкали.
□□Вьюга его обняла.
В бешеном разгуле вьюга в поле пляшет,
И фатю снежной на скитальца машет:
«Нет и нет пути.
□□И куда идти!
□□Я ли не нарядна?
□□Засыпай скорей.
□□На груди моей
□□Отдохнуть отраднo».
«Прекрасно всё вокруг, – он грезит, замерзая:
□□Широк простор сияющих небес;
□□В дремоте сладкой ветви наклоняя,
□□□□Задумался зелёный лес.
□□□□Обвиты цепкой повиликой
□□□□Его седые пни;
□□□□Расцвёл шиповник дикий
□□□□□□В его тени,
□□□□□□И ландыш белый
□□□□□□Цветёт».
□□Померкли грёзы. Труп оледенелый
Лежит, а вьюга вихри вьёт,
И песни злобные поёт.
«Морозен ясный день, а солнце встало рано...»
Морозен ясный день, а солнце встало рано.
Зима, смиришь, – близки весенние деньки.
Сквозь тонкую вуаль февральского тумана
На солнце яркое смотрю из-под руки.
Возносится оно победно и багряно, –
Невольню сузились пытливые зрачки.
На диске солнечном, как быстрый дым кальяна,
Дрожат свинцовые проворные кружки,
А книзу мечутся кинжалы золотые.
Я опустил глаза, – как призраки цветные,
Запрыгали везде лиловые цветки.
Вы, солнца красного горячие отброски,
Мрак разгоняете, а всё его отростки
Живучи и цепки.
«Обман и глупый, и смешной!..»
Обман и глупый, и смешной!
Со всех сторон оклеен ящик
Позолоченную тесьмой,
И говорит, склонясь, приказчик:
«Изображенье там лежит
Того, кто вам всего дороже».
Вы ящик вскроете, – и что же?
Там только зеркальце блестит.
Вручает нам ларец красивый
Судьба в начале наших дней,
И мы с улыбкой горделивой

Храним залог любви своей.
Когда ж откроет размышленье
Ларец в полуночной тиши,
В холодном зеркале души
Своё мы встретим отраженье.
«Золотого счастья кубок...»
Золотого счастья кубок
Отдали от алых губок,
Погляди скорей вокруг, –
От тоски кому не больно ль?
Малой капли не довольно ль
Для смягченья долгих мук?
Если взор твой будет жаден,
Скажет совесть, что украден
Твой безоблачный Эдем
У того, кто пред тобою
Шёл дорогой трудовой
И безрадостен, и нем.
«Росла, росла волна прилива...»
Росла, росла волна прилива,
То бурно мчалась, то ползла
Туда, где, высясь горделиво,
Дремала вечная скала.
Волна несла в чужую сушу,
Забыв родимый океан,
Свою изменчивую душу,
Свой обольстительный обман.
«К светлым стёклам фонаря...»
К светлым стёклам фонаря,
Яркой радостью горя,
Стаи бабочек,
Стаи ласточек
Летят, –
На огненные зовы
Слетаются голодные совы,
И бедных малюток сторожат.
Впереди – погибель
На сверкающем сгибе
Лёгкого фонаря,
Светлого, как заря,
Как заря на стекле,
Сзади – жадные зевы,
Голодные гневны,
Разверстые во мгле.
«Ребёнок блажит в колыбели...»
Ребёнок блажит в колыбели.
Капризного нечем унять.
Не хочет он песенок слушать,
Не хочет он с мамой играть.
Блажное, усталое сердце
Чуждается так же людей,
И, ранено бледною скорбью,
Всё ноет о доле своей.
«Пусть, кто хочет, веселится...»
Пусть, кто хочет, веселится
В установленные дни,
И смеётся, и дивится
На потешные огни.
Безотчетному веселью
Я души не отдаю, –
И вернусь я рано в келью
□□Бедную мою.
«Уже не прозрачна...»
Уже не прозрачна
Лазурь её девственных глаз.
В них что-то мерцает мрачно,
Что-то таится от нас.
Как-то мне странно,

Когда затрепещет, нахмурится бровь
Над взором, в котором мерцанье туманно,
Меж тем как уста улыбаются вновь.
Улыбаются, только тревожно
Бьётся жилка на этой щеке,
Словно боится, что неосторожно
Она прикоснётся к чьей-то руке.
Страх затаился под тёмные ресницы,
Незаконным желаньем взволнованна грудь.
Лукавые, синие смеются зарницы,
А молниям стыдно и страшно сверкнуть.
«Не опасайтесь шутики смелой...»
Не опасайтесь шутики смелой,
Но бойтесь шутики шутовской,
Пред сильным – рабски онемелой
Пред слабым – нагло разбитной.
Она клеймит, она мараает,
Не понимает красоты,
И клеветы не отличает
От малословной правоты.
Пред ней открыться – это хуже,
Чем на базаре голым быть,
Или купаться в грязной луже,
Иль зачумленную любить.
«Покоряясь жажде странной...»
Покоряясь жажде странной,
Овладевши кучей книг,
Как тигрица на добычу,
Ты набросилась на них.
Не учишь по этим книгам,
Что лежат перед тобой, –
Лицемеры их писали,
Вознесённые толпой.
Что прилично, что обычно,
Что вошло уже в закон,
Лишь тому их жалкий лепет
Малодушно посвящён.
А тому, что в тёмном сердце
Подымает бунт страстей,
Не могли они ответить
Речью косною своей.
«Мучительница злая...»
Мучительница злая,
Бичующая совесть,
Всегда запаздываешь ты.
Немолчно повторяя
Неписаную повесть,
Ты мнёшь последние цветы
□□Моей мечты.
«Она не такая, как я...»
Она не такая, как я,
У неё и вся жизнь не такая.
Я – чёрный и злой, как змея,
А она, как солнце, золотая.
У неё небеса свежи и легки,
Ясные зори – её щёки,
И струятся от белой руки
Сладких благовоний потоки.
Надо мною горяч небосвод,
У меня всё длинные дороги,
Солнце огнём меня жжёт,
Земля томит мои ноги.
«Душа моя – мятежная душа...»
Душа моя – мятежная душа.
Она сама с собою в споре,
Стремительным безумием дыша,
На сушу ополчает море,
На землю – небеса,

И бурными ветрами
Снести стремится горы и леса,
Долины затопить волнами.
Я разного хочу, не знаю сам,
Какой мечтой займусь через минуту,
Взлечу ли к небесам,
Иль погружусь в земную смуту.
«Не помню я, где и когда это было...»
Не помню я, где и когда это было,
□□Недавно иль встарь, –
Являлась внезапно и страх наводила
□□Поганая тварь.
Лица своего не давая заметить,
□□Шныряла везде,
А если случалось кому её встретить.
□□То было к беде.
Её истреблять не умели, не смели,
□□Бежать не могли, –
И тяжкие, чёрные длились недели
□□Для этой земли.
Но отрок догадливый тварь эту вывел
□□Из края того, –
Он что-то сказал, – вдруг им край опротивел,
□□Бог весть отчего.
И если б опять эта тварь появилась, –
□□Лишь слово узнай,
Поганая тварь эта снова бы скрылась
□□В неведомый край.
«Милый друг, мне больно видеть...»
□□Милый друг, мне больно видеть,
Как опять обманута любовь.
Не хочу хулить и ненавидеть,
Но хую и ненавижу вновь,
□□Оттого, что больно видеть,
Как опять обманута любовь.
«Печальный дар анахорета...»
Печальный дар анахорета, –
С гробниц увядшие цветы, –
Уединённого поэта
Неразделенные мечты.
Иных сокровищ не имею,
И никогда не соберу.
Судьбе противиться не смею,
Аскетом нищим и умру.
«Среди блеска ночного...»
«Среди блеска ночного,
□□О луна,
Отчего же ты снова
□□Так бледна?» –
«Обтекаю я землю
□□По ночам,
Но сердец не подъямлю
□□К небесам!»
«В замке одиноком...»
□□В замке одиноком,
□□В тереме высококом, –
Паж стоит пред госпожою,
И, не глядя на пажа,
Тихо шепчет госпожа:
«В полночь я окно открою
□□В тереме высококом».
Злой барон доносу внемлет:
«Есть пажи, что по ночам
Обнимают знатных дам.
Кто разумен, тот не дремлет».
□□В замке одиноком
Полночь бьёт. Окно открыто.
Тихо, жутко и темно.

«Как же влезу я в окно?» –
Шепчет бедный паж сердито.
□□В тереме высокоом
Тихий смех и шёпот сладкий:
«Я внизу открыла дверь.
Не придёт никто теперь.
Поднимись ко мне украдкой
□□В терем мой высокий».
Госпожа пажа ласкает, –
И внезапно входит муж:
«Милый паж мой почему ж
В этот час не почивает?»
□□В замок одинокий
Поутру с печальным звоном
Выносили прах пажа.
Шла за гробом госпожа
Рядом с сумрачным бароном.
«Пришли уставленные сроки...»
Пришли уставленные сроки,
И снова я, как раб, иду
Свершать ненужные уроки,
Плодить пустую меледу.
Потом унылый вечер будет,
И как мне милый труд свершить,
Когда мечты мои остудит
Всё, что придётся пережить!
Потом полночные печали
Придут с безумною тоской,
И развернут немые дали,
Где безнадежность и покой.
«Случайно всё, и всё мертво...»
Случайно всё, и всё мертво, –
Дела, предметы и слова.
Не хочет жизни божество
Иль жизнь не хочет божества?
Вставала ясная заря,
Туман вздымался до небес,
И улыбался, весь горя,
Навстречу дню безмолвный лес.
Но загорелся лютый змей,
И тяжким зноем говорит,
Что вереница праздных дней
Бесследно в вечность пролетит.
«Ты вся горела нетерпеньем...»
Ты вся горела нетерпеньем,
Искала верного пути,
И заразилась опасеньем,
Что в жизни цели не найти.
С тоской мучительной и жадной
Последний призрак ловишь ты
Когда-то светлой и отрадной,
Теперь тускнеющей мечты.
Тебе казалось, что в ней сила
Несокрушимая была;
Но жизнь мечту твою разбила,
И что взамен тебе дала?
В твоей душе растёт тревога,
Ты видишь в жизни только ложь,
И разум повторяет строго,
Что вместо свергнутого бога
Иного ты уж не найдёшь.
Ослеплена житейской ложью,
Ты вся склонялась к божеству,
Ко Мне ж идти по бездорожью
Ещё не хочешь, – не зову.
«Лиса в капкане...»
□□Лиса в капкане,
И как ни рваться, ни тужить,

В чужом, обманщица, обмане
□□Тебе глаза смежить.
□□На свете так ведётся,
Наш спор сама судьба решай, –
Летит орёл, осина гнётся,
□□Цветёт лишай.
«Он песни пел, пленял он дев...»
Он песни пел, пленял он дев,
Владел и шпагой, и гитарой.
Пройдёт, – и затихает гнев
У ведьмы даже самой ярой.
И жён лукавая хвала,
И дев мерцающие взоры!
Но бойтесь, – у богини зла
Неотвратимы приговоры.
Она предстала перед ним
В обличи лживом девы нежной.
Одежда зыблилась, как дым,
Над дивной грудью белоснежной.
Он был желаньем уязвлён,
Она коварно убегала, –
За ней бежал всё дальше он,
Держась за кончик покрывала, –
И увлекла в долину бед,
И скрылась на заклятом берегу,
И на проклятый навий след
Он наступил в безумном беге.
И цвет очей его увял,
И радость жизни улетела,
И тяжкий холод оковал
Его стремительное тело.
И тает жизнь его, как дым.
В тоске бездейственно-унылой
Живёт он, бледный нелюдим,
И только ждёт он смерти милой.
«Душа моя! На твоём пороге...»
Душа моя! На твоём пороге
Притаились больные, злые тревоги.
Они ждут, когда откроешь двери,
И шепчут про многие потери.
Когда ты спишь и глубоко дышишь,
Ты слышишь их ропот, ты слышишь?
Они стучат в окно клюками,
Тихо стучат дряхлыми руками, –
И твои сны мрачат виденья,
В которых слёзы, угрозы, томленья.
Едва проснёшься, едва станешь на пороге,
Тебя встретят злые тревоги.
«На гармонике рёв трепака...»
На гармонике рёв трепака,
Безобразная брань мужика,
Соловья надоедливый треск,
Стрекотание звонких стрекоз,
И бессмысленный солнечный блеск,
И дыхание резкое роз, –
Всё телесно и грубо вокруг.
Пожалей меня, ласковый друг!
«Слово, проклятое Богом...»
Слово, проклятое Богом,
отвергнутое небесами:
«Никогда».
Не говори его, –
оно сжигает уста,
как пламенеющий адским пламенем
уголь.
Искали дочь
Печаль в груди была остра,
□□Безумна ночь, –

И мы блуждали до утра,
□□Искали дочь.
Нам запомнилась навеки
Жутких улиц тишина,
Хрупкий снег, немые реки,
Дым костров, штыки, луна.
Чернели тени на огне
□□Ночных костров.
Звучали в мёртвой тишине
□□Шаги врагов.
Там, где били и рубили,
У застав и у палат,
Что-то чутко сторожили
Цепи хмурые солдат.
Всю ночь мерещилась нам дочь,
□□Ещё жива,
И нам нашёптывала ночь
□□Её слова.
По участкам, по больницам
(Где пускали, где и нет)
Мы склоняли к многим лицам
Тусклых свеч неровный свет.
Бросали груды страшных тел
□□В подвал сырой.
Туда пустить нас не хотел
□□Городовой.
Скорби пламенной язык ли,
Деньги ль дверь открыли нам, –
Рано утром мы проникли
В тьму, к поверженным телам.
Ступени скользкие вели
□□В сырую мглу, –
Под грудой тел мы дочь нашли
□□Там, на полу.
Весёлая народная песня
(На четыре голоса)
Что вы, старцы, захудали,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
«Отошшали!»
Что вы, старые старухи,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
«С голодухи!»
Что вы, парни, тихи стали,
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?
«Тяжку угнали!»
Что вы, детки, приуныли,
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?
«Мамку убили!»
«Так жалки, так убоги!..»
Так жалки, так убоги!
Безжалостен и строг!
Измять босые ноги
Безмерностью дорог.
Твои ли, наши ль муки,
О, как нам разгадать!
Корой мозольной руки
Зачем-то заковать.
Невинная стихия!
Тебя ль к Суду привлечь?
Вложить в уста людские
Такую злую речь.
«Я спешил к моей невесте...»
Я спешил к моей невесте
В беспощадный день погрома.

Всю семью застал я вместе
□□□Дома.
Все лежали в общей груди...
Крови тёмные потоки...
Гвозди вбиты были в груди,
□□□В щёки.
Что любовью пламенело,
Грубо смято тёмной силой...
Пронизали гвозди тело
□□□Милой.
«Проснусь я и думаю снова...»
Проснусь я и думаю снова:
Ну, чем же сегодня опять,
Безумство блаженства земного,
Меня ты затеешь пытаться?
Под яркой улыбкою Змея,
Над зыбким движеньем волны,
Какая дневная затея
Заменит мне милые сны?
Глаза бы мои не глядели
На эти кабинки, на пляж,
Но всё-таки встану с постели, –
Весь день проваляться нельзя ж!
«В доме шатки половицы...»
В доме шатки половицы,
В небе блещет яркий диск.
Докучает голос птицы.
Скучно-звонкий визг и писк.
Глаз не зорок и не меток,
Душен телу вечный плен.
Кто же хочет этих клеток,
Этих окон, этих стен?
Город Женевьевы
Не стремися в тот город, где царит Женевьева.
Госпожа Женевьева беспощадна во гневе.
Ей не скажешь спасибо, госпоже Женевьева,
Не похвалишь тот город, где царит Женевьева,
Непреклонная, злая, но прекрасная дева,
Что мечтает жестоко о кровавом посеве.
Не стремися в тот город, где царит Женевьева.
Госпожа Женевьева беспощадна во гневе.
«Земная жизнь везде всё та же...»
Земная жизнь везде всё та же,
Всё тот же люд, и тот же труд,
И те же тихие на страже,
И тот же непреклонный суд.
И что бы небо ни вещало,
И как бы гром ни грохотал,
И как бы сердце ни дрожало
От тёмной боли тайных жал, –
Везде, всегда одно и то же,
Всё повторяется в веках,
И радость жизни так похожа
На боль, омытую в слезах.
«Не сказал мне ласкового слова...»
Не сказал мне ласкового слова
И ушёл, мечтая о другой.
Я к разлуке уж была готова,
Истомлена вещательной тоской.
Ну так что же! Буду гувернанткой,
Позабуду яркие мечты,
Жизнь отбуду скромной иностранкой,
Храня сентиментальные цветы.
Я умру, вздохнувши так же ровно;
Возвестит газетный некролог:
«Незабвенная Любовь Петровна
Скончалась, наш милый, верный друг».
Пьяный поэт

Мне так и надо жить, безумно и вульгарно,
Дни коротать в труде и ночи в кабаке,
Встречать немой рассвет тоскливо и угарно,
И сочинять стихи о смерти, о тоске.

Мне так и надо жить. Мучительную долю
Гореть в страстном огне и выть на колесе
я выбрал сам. Убил я царственную волю,
В отравках утопил я все отрады, все.

«Цветы дня наглых, вино дня сильных...»

Цветы дня наглых, вино дня сильных,
Рабы послушны тому, кто смел.

На свете много даров обильных
Тому, кто сердцем окаменел.

Что людям мило, что людям любо,
В чём вдохновенье и в чём полёт,
Все блага жизни тому, кто грубо
И беспощадно вперёд идёт.

О правде мира что б ни сказали,
Всё это – сказки, всё это – ложь.

Мечтатель бледный, умри в подвале,
Где стены плесень покрыла сплошь.
Подвальный воздух для чахлой груди,
И обещанье загробных крыл.

И вы хотите, о люди, люди,
Чтоб жизнь земную я полюбил.

«Под сводами Утрехтского собора...»

Под сводами Утрехтского собора

□□Темно и гулко.

Под сводами Утрехтского собора

□□Поёт орган.

С Маргрет из Башенного переулка

Венчается сапожник Яков Дан

Под пение торжественного хора.

Под сводами Утрехтского собора

□□В слезах невеста.

Под пение торжественного хора

□□Угрюм жених.

«Вы все из одинакового теста», –

Он думает, нахмурен, зол и тих

Под сводами Утрехтского собора.

Под пение торжественного хора

□□Венчай их, Боже!

Под сводами Утрехтского собора

□□Чуть брезжит свет.

В коморке плётка есть из новой кожи,

И знает это бледная Маргрет

Под сводами Утрехтского собора.

«От кладбищенских болот...»

□□От кладбищенских болот

Облаками поднимались оводы.

□□Кто терял надежду, тот

Знает, как безумно-горьки проводы.

□□В тихом шёпоте луны,

Над землю, медленно колдующей,

□□Ты ушла в лесные сны

Девой утомлённой и тоскующей.

□□С лунной бледностью лица

Головой о сосны кто-то стучался.

□□Тёмный голос мертвеца

С девою насмешливо аукался.

Людское стадо

□□Людское стадо, чему ты радо?

□□Чего ты хочешь? Чего ты ждёшь?

«Пить-есть нам надо, одеться надо,

□□Да и без крова не проживёшь».

□□Людское стадо, людское стадо,

Куда тебя погонят, туда ты и пойдёшь!

□□Ленивы, злобны и бестолковы,

□□Между собою у вас вражда.
□□Но кто же, кто же куёт оковы?
□□Кому же нужны труды раба?
□□Людское стадо, твоя услада –
□□дурман словесный и злая ложь.
□□Едва успеет упасть преграда,
□□Уже другую ты создаёшь.
□□Людское стадо, людское стадо,
Куда тебя погонят, туда ты и пойдёшь!
«Надоело уж нам, зеркалам...»
Надоело уж нам, зеркалам,
В эти тусклые лица глядеться.
Ах, когда же, когда же года
Перестанут пред нами вертеться?
Если трещины есть, перенести
Это вовсе не больно, не стыдно.
И сквозь трещины нам, зеркалам,
Было б радужных ангелов видно.
Но глядеться во что ж? В эту ложь,
Что пред нами трясут балаболки?
Нет, разбиться бы нам пополам,
Иль на мелкие лучше осколки.
«Отчего у тебя утомлённые руки?...»
«Отчего у тебя утомлённые руки?»
«Я швеёю прилежной была,
Я сшила много саванов разлуки,
□□И вот к Тебе я ушла». –
«Отчего у тебя запалённые ноги?»
«Я ходила по горам, по долам,
Но нигде к Тебе не нашла дороги.
□□Пожалей, проводи меня сам». –
«Тебя Господь накажет...»
Тебя Господь накажет
За то, что ты – смешной;
Тебя навеки свяжет
Он с мукою земной.
Смеяться горько будешь
Над тусклой жизнью ты
И сам себя осудишь
За яркие мечты.
В немую бездну канут
Огни святых минут,
А люди не устанут
Кричать: «Эй, старый шут!»
Насмешками измучат, –
Ведь ты – смешной дурак!
И на лоб нахлобучат
Изношенный колпак,
И на арену кинут.
«Пляши, когда велят!»
Ну что ж! Колпак надвинут,
Бубенчики звенят,
Смешные слёзы мочат
Морщины блёклых щёк,
И все кругом хохочут
На каждый твой прыжок.
«Опять из первозданной глины...»
Опять из первозданной глины
Возник первоначальный змей,
И смотрит на простор долины,
На пляски лёгкие алмей.
Здесь распаять он должен снова
Кольцо сомкнувшихся времён,
И обольстительное слово
Уже слагает втайне он.
И снова возникает дева,
Чтоб, хитрую послушав речь,
Неиссякаемого гнева

Грозу на мир опять навлечь.

Объявления

Нужны врачи и фельдшера, –
Так объявляют все газеты, –
Нужны портные–мастера.

А вот кому нужны поэты?

Где объявление найдёшь:

«Поэта приглашаем на дом

Затем, что стало невтерпёж
Обычным объясняться складом,
И мы хотим красивых слов,
И души в плен отдать готовы!»
Купить имение готов.

Нужны молочные коровы.

«Не верьте этой изысканной притче...»

Не верьте этой изысканной притче,
Которая исходит из уст ересиарха, –
Там нет ничего пригодного дня вас.
Жизнь должна быть весёленький ситчик.

Она не должна быть глубокий бархат

Или таинственно–нежный атлас.

Что вам делать с дорогим товаром?

Чем заплатите? Душою, – фальшивым сплавом

Из старой неправды и новой лжи?

На бархат и атлас не набрасывайтесь яро.

Мало желанья, надо иметь право.

Мимо недоступного иди, толпа, не тужи.

Четверостишия

«Пускай толпа возносит над собою...»

Пускай толпа возносит над собою

Лик человека новых дней,

Но человек склоняться пред толпою

Не смей и не умей.

«Что ни песня, всё было мечтою мятежной...»

Что ни песня, всё было мечтою мятежной,

Но не всё, что промечтано, вылилось песней:

Не облечь мне стихами мечты самой нежной,

Всех мечтаний светлее, душистей, прелестней.

«Пойду на речку слушать соловья...»

Пойду на речку слушать соловья,

□□И ничего, что очень сыро.

Там не ужалишь ты меня, змея

□□Всегда враждебного мне мира.

«Безочарованность и скуку...»

Безочарованность и скуку

Давно взрастив в моей душе,

Мне жизнь приносит злую муку

В своём заржавленном ковше.

«Умри, изнеженное племя!..»

Умри, изнеженное племя!

Дай место племени героев!

□□Уж близко время

□□Могучих боев!

«Зелёный сон под небом голубым...»

Зелёный сон под небом голубым

Разорван утром молчаливым.

Рассвета серого ползучий дым

Предстал очам моим пугливым.

«Отрекись от себя, человек...»

Отрекись от себя, человек, –

Нам лишь это одно и возможно.

Всё другое в ничтожный наш век

Мимолётно, забвенно и ложно.

«Взвивая тучи пыли сизой...»

Взвивая тучи пыли сизой,

Внезапно ветер загудёт,

И тонкой и прозрачной ризой

Просторы улиц облечёт.

«Из черепа исходит свет лампадный...»
Из черепа исходит свет лампадный,
□□ Не разгоняя тьмы.
О чём, о страж, угрюмый и злорадный,
□□ Смеёшься вечно ты?
«Боже мой! Сколько душевной усталости!..»
Боже мой! Сколько душевной усталости!
Сколько раз в бездну греховную падано!
Сколько раз молено Божеской жалости
В синем курении тихого ладана!
«Молитвы сладкогласный гений...»
Молитвы сладкогласный гений,
Твой кроток взор и речь тиха,
Но пояс твой из вождедений,
Твоя одежда из греха.
«Без чарований и обаяний нельзя мне жить...»
Без чарований и обаяний нельзя мне жить.
Отравлен воздух моих долин
Тоской страданий, и увяданий, и злых кручин.
Иль чары деять, или тужить.
«Неведомый цветок благоухает слаще...»
Неведомый цветок благоухает слаще.
□□ Слова мертвят и запах, и мечты.
Мы улыбаемся тем радостней и чаще,
□□ Чем менее словами заняты.
«Взойдёт любовь, нетленно-молодая...»
Взойдёт любовь, нетленно-молодая,
Блаженные настанут времена,
И, без зачатия детей рождая,
□□ Возникнет дивная жена.
«Обширный мир тончайших очертаний...»
Обширный мир тончайших очертаний,
□□ Бесцветный, но изящный круг!
Вне жизни он, но в нём – родник мечтаний,
□□ Он любит медленный досуг.
«Безумных дней томительная смена...»
Безумных дней томительная смена,
Ночей безумия томительная мгла, –
Их ткань легка, как злая пена,
И входит в жизнь, как хитрая игла.
Отдых
«В час, лишь Господу известный...»
В час, лишь Господу известный,
В час полуночи глухой
К нам сойдёт Жених Небесный
Потаённую тропой, –
И блажен, кто бодр и светел,
Ждал желанного в ночи,
Кто ночные тени встретил
Ясным пламенем свечи.
Кто ж, печалась в мёртвом мраке,
Не поддерживает свет,
□□ Для того на браке
□□□□ Места нет!
«Наконец надо мной зазвучал...»
Наконец надо мной зазвучал
Твой призыв, чародейка весна!
Я услышал его и восстал
От глубокого зимнего сна.
И расстался я с тёмной тоской.
Пред тобою, весна, я стою.
Я разнежен твоей красотой
И весеннюю песню пою.
Я пою о восстаньи моём, –
Я о тёмном паденьи забыл!
Я о громе пою, – этот гром
Благовестно меня разбудил.
«Наконец-то добились мы счастья...»

Наконец-то добились мы счастья,
Но какую ценой!
Выносили мы холод ненастья
И палящий томительный зной.
Миновало тяжёлое время.
Позабудь истомившее бремя.
Говоришь ты: «Промчались невзгоды,
Но глубокий оставили след,
И не смоят Летийские воды
Отпечатков промчавшихся лет».
Милый друг, не крушися напрасно,
Не мрачи опасеньем души.
Если небо над нами так ясно,
Наслаждаться и верить спеши.
Если б снова порывы печали
О прошедшем тебя взволновали,
Подымая рыданьями грудь, –
Поскорей осуши свои глазки,
Расточай мне желанные ласки,
И былую тоску позабуди.
«Благоуханье по весне...»
Благоуханье по весне,
В прозрачной ночи трепетанье,
Лучи от звёзд и блеск в луне,
В реке порожистой журчанье,
И ветер, нежное дыханье,
Подъемлет шёпот по волне,
И ты, полночное мечтанье,
Опять разбужено во мне.
Опять в душе встаёт тревога,
И совесть поверяет строго
Всю жизнь безумную мою.
Но то, что было горьким чадом,
Теперь блаженным стало ядом,
И этот яд я тихо пью.
«Трава свежа, земля мягка...»
Трава свежа, земля мягка,
Ничто не мучит, не заботит.
На небе тают облака,
А солнце ноги мне золотит.
Тропы над берегом реки
Не знаю я, куда приводят.
Мои мечтания легки
И так беспечно колобродят.
На берегу ряды кустов
Порою ветер нежно клонит,
А лес от птичьих голосов
Поёт, звенит и нежно стонет.
Покой над тихою рекой
С покорной кротостью знакомит,
И ветки гибкой ни одной
Моя рука не переломит.
Душа, как верная раба,
У Бога ничего не просит,
Но если что ей даст судьба,
Возьмёт и ничего не бросит.
А если горе ей сулит,
А если муки ей готовит,
Она за всё благодарит,
За всё Владыку славословит.
Всегда покорна и светла,
Она ни с чем, ни с чем не спорит,
Не разделит добра и зла,
И смерти с жизнью не поссорит.
От зноя не стремится в тень,
И вечной ночи не торопит,
Настанет неизбежный день,
И будет кубок жизни допит.

«Он пойдёт с безумием во взоре...»
Он пойдёт с безумием во взоре,
С радостью, разлитой на лице,
На восток, где ярко блещут зори,
Где два солнца в золотом венце.
Он пойдёт, счастливый и прощённый,
Солнце знания и любви встречать,
И, огнём могучим не сожжённый,
Будет он лучи их целовать,
И когда вернётся он к народу,
Светом весь проникнут и облит,
Он давно желанную свободу
Изнемогшим братьям возвестит.
«Как ты злобно рыдал! Как ты гневом горел!..»
Как ты злобно рыдал! Как ты гневом горел!
□□Как вздымалась порывисто грудь!
Ты на битву рвался, головы не жалел,
И казалось стыдом отдохнуть.
Но порыв твой утих, успокоился гнев,
□□В сердце снова любовь и покой,
И опять, как толпа восхитительных дев,
□□Пролетают часы над тобой.
Снова жизнь хороша для влюблённой души,
□□Снова сладки и ночи, и дни,
Впечатления жизни и сны хороши,
□□Всё отрадно, куда ни взгляни.
«О чём прикажешь мне пропеть...»
«О чём прикажешь мне пропеть,
□□Блистательный барон?
Всё, что изволишь повелеть,
Я воспою под лирный звон». –
«Изволь, тебе я тему дам,
Да только справишься ли с ней?
Спой прежде славу господам,
Могучим, славным словом нам,
Потом о бедных пожалей,
О нищете пропой своей». –
«О, господа и госпожи!
□□Мне жаль не нас.
Как много зол, и бед, и лжи
□□Везде у вас!
Как вы боитесь нищеты!
□□Не прочен ваш покой!
Богатство – чуждо красоты.
Тот, кто боится наготы,
Он друг ли истине нагой?» –
«Довольно. Песнь твоя смешна,
□□Безумен ты, старик,
Иль дамам роскошь не нужна?
Или работать я привык?
Уж не пустить ли наших жён
По нивам бегать босиком?
Старик, старик, ты нам смешон,
Пропой-ка лучше о другом». –
«Беден я, но не жалею
□□О себе ничуть.
Я борьбой тоску развею,
И от жизни я успею
□□Сладко отдохнуть,
Жизнь изжив в труде упорном,
В день, когда зелёным дёрном
□□Мне прикроют грудь.
Жизнь с борьбою неразлучна,
Кто покоен, не живёт.
Жить в покое сердцу скучно,
А в борьбе грозовотучной
Бог к победе нас ведёт.
Счастье с честной нищетою,

С простодушной красотой
Только в хижинах живёт».
«Творение выше Творца...»
Творение выше Творца
И мир совершеннее Бога,
Но всё же мы любим Отца,
И чтим его свято и строго.
Бывает безумною мать,
И часто творящие слабы.
Но кто бы решился восстать
На мать и в безумстве хотя бы?
«Знаю я, – во всей вселенной...»
Знаю я, – во всей вселенной
Нет иного бытия.
Всё, что плачет и смеётся,
□□Всё и всюду я.
Оттого и отдаётся
Больно так в душе моей
Всё, что слёзы вызывает
□□На глаза людей.
«Не говори, что мы устали...»
Не говори, что мы устали,
И не тужи, что долог путь.
Нести священные скрижали
В пустыне должен кто-нибудь.
Покрыты мы дорожной пылью,
Избиты ноги наши в кровь, –
Отдаться ль робкому бессилью,
И славить нежную любовь?
Иль сделать выбора донине
Мы не хотели, не могли,
И с тяжкой ношею в пустыне
Бредём бессмысленно в пыли?
О нет, священные скрижали
Мы донесём хоть как-нибудь.
Не повторяй, что мы устали,
Не порицай тяжёлый путь.
«Напрасно хочешь позабыть...»
Напрасно хочешь позабыть
□□Господню весь.
Не может сердце полюбить
□□Того, что здесь,
Что, докучая, предстоит
□□В тоске и в зле.
Мечта строптивая летит
□□К иной земле,
В иную весь, где всё цветёт
□□Господним сном, –
И торжествует, и поёт
□□В краю святом.
«И молчаньем мы скажем друг другу...»
И молчаньем мы скажем друг другу,
И мерцаньем мечтательных глаз,
Что пришли мы к заветному кругу,
Где любовь перед нами зажглась.
На заветной черте застоялись,
Не боялись и ждали конца,
И дрожащие руки сплетались,
И печалью горели сердца.
«Как вставший от долгой болезни...»
Как вставший от долгой болезни,
Ещё со слабостью в дрожащих коленях,
В день первый, в день последний
На последних я медлю ступенях.
День единственный и вдохновенный!
Уже вся мгла рассеется скоро.
Завет мой был завет верный.
Какая радость для сердца и взора!

Я давно, смиренный и покорный,
Пред Господней волею преклонился,
И обман разъединения, побеждённый,
Ослабел, распался, сокрылся.
О Свете тихий, вечный Боже!
Твоя мечта – всё мирозданье.
Я догораю в божественной грёзе.
Я – Твоё тихое мерцанье.
«Смерть не уступит...»
Смерть не уступит, –
Что ей наши дни и часы!
И как мне её не любить!
□□Ничто не иступит
Ее быстролётной косы, –
Как отраднo о ней ворожить!
□□Может быть, на пороге
Стоит и глядит на меня,
И взор её долог и тих, –
□□И о смертной дороге
Мечтаю, голову склоня,
Забыв о томленьях моих.
«Идёт покорно странник бледный...»
Идёт покорно странник бледный,
Тоску земли в пыли влача.
Венец на нём сияет медный,
И в грудь вонзились три меча.
Не озаряет путь бесследный
В руке дрожащая свеча,
И ни единого луча
Ему не шлёт дракон победный.
О камни жёсткие истёрт
На крутоярах и откосах
Его убогий пыльный посох,
И соблазняет хитрый чёрт
Воззвать в кощунственных вопросах
К Творцу, – но странник тих и тверд.
«Пылай бесстрастную любовью...»
Пылай бесстрастную любовью
И невозможное пророчье.
Моя сестра, с твоею кровью
Вино я выпил в эту ночь.
В моей душе стонала жалость, –
Но от несправедливой тоски
Меня спасла святая алость
Твоей протянутой руки.
В священный миг мы задрожали, –
Ты боль сумела побороть,
Когда игла из тонкой стали
Твоей руки пронзила плоть.
Соединились мы над чашей,
Разъединённые давно,
И в чашу капля крови нашей
Упала в красное вино.
Устами к чаше мы припали,
И пламенеющая кровь
Сожгла порочные печали,
Зажгла невинную любовь.
«Даль безмерна, небо сине...»
Даль безмерна, небо сине,
Нет пути к моим лесам.
Заблудившийся в пустыне,
Я себе не верил сам,
И безумно забывал я,
Кто я был, кем стал теперь,
Вихри сухо завывал я,
И пустынно завывал я,
Словно ветер или зверь.
Так унижен, так умален, –

Чьей же волею? Моей! –
Извивался я, ужален
Ядом ярости своей,
Безобразен, дик и зелен,
И безрадостно-бесцелен,
Непомерно мудрый Змей.
Вдруг предвестницей сиянья,
Лентой алою зари,
Обвилися в час молчанья
Гор далёких алтари.
Свод небес лазурно-пышен
В лёгкой ризе облаков.
Твой надменный зов мне слышен,
Победивший мглу веков.
Ты, кого с любовью создал
В час торжеств Адонаи,
Обещаешь мне не поздно
Ласки вещице твои.
Буйным холодом могилы
Умертвивши вой гиен,
Ты идёшь расторгнуть силы,
Заковавшиеся в плен.
Тайный узел ты развяжешь,
И поймёшь сама, кто я,
И в восторге ярком скажешь,
Кто творец твой, кто судья.
«Когда меня ты грозно гонишь...»
Когда меня ты грозно гонишь
От здешней милой жизни прочь
И душу трепетную клонишь
В твою таинственную ночь, –
Покорен я. Мои светила
По предначертанным путям
Текут, – и будет всё, как было,
И здесь, жестокая, и там.
Очей моих не отвращая
От бездны той, куда стремлюсь,
И злобу всю твою прощая,
Я, умирая, улыбнусь.
«Иных не ведая миров...»
Иных не ведая миров,
Иных миров не стоя,
Мы на земле найдём покров
От тягостного зноя.
Вода, которая течёт,
Милей воды стоячей.
Пастух стада свои пасёт
Не на скале горячей.
В полдневный зной приятна тень
И веселит прохлада,
Но краше ночи ясный день,
Лобзанья слаще яда.
Всё это так, не спорю я,
Согласно всё приемлю.
Так сладок воздух бытия
Тому, кто любит землю.
Не ведая миров иных,
Миров иных не стоя,
Мы обретём в веках земных
Все радости покоя.
«Беспощадная вовремя скосит...»
Беспощадная вовремя скосит,
Позабудется скоро могила.
Утонувший невесту не спросит:
«Отчего ты меня разлюбила?»
Не приснится невесте, не встретит
Он её в неожиданном месте.
А в минуту тоски не ответит

Ничего загрустившей невесте.
Так скользят, убегая, мгновенья
Наслажденья и трепетной боли.
Да и как же иначе? Забвенья –
Это милость божественной воли.
«Как прежде улыбалась...»
Как прежде улыбалась,
Улыбчива весна.
Святая льётся алость
В земную чашу сна.
Так нежно засмеялась
В лазури тишина,
И вся моя усталость
В тоску претворена.
Опять наивной песней,
Всё слаще, всё чудесней,
Цветут мои уста,
И радостью вешней,
Земною, страстной, здешней,
Упоена мечта.
«Мир чужой опять, как прежде...»
Мир чужой опять, как прежде,
Предо мной, грозя, лежит,
И опять моей надежде
Злые точит он ножи.
Сердце, сердце, пред ножами
Лютой жизни не дрожи.
Дрогнет смерть, и перед нами
Побледневши, побежит.
Только будь всегда спокойно,
И, печали не тая,
Будь пленительно достойно
Доли лучшей, чем твоя.
«За оградой гасли маки...»
За оградой гасли маки,
Ночь была легка, легка.
Где-то лаяли собаки,
Чуя нас издалека.
Наша лошадь не спешила,
Наш извозчик был не рьян,
Из широкого кадила
Еле зримый плыл туман.
Колыхая мглу ночную,
Травки стали на поля,
Землю тёмную, родную
Небу светлому хваля.
«Пусть пылит моя дорога...»
Пусть пылит моя дорога,
Пусть дракон небесный жжёт, –
Я – такой же вестник Бога,
Как и всякий, кто поёт.
На пути стихи слагаю,
Нынче здесь и завтра там,
И пристанища не знаю,
Вечно близок небесам.
Бросив грубой жизни тело,
Для себя я песнь пою
И доверчиво, и смело
Богу душу предаю.
«Права змея, когда шипит и жалится...»
Права змея, когда шипит и жалится, –
В ней горькое кипение отрав,
□□Но если человек печалится,
□□Поймите, люди, он не прав.
В нём сердце верное поёт так сладостно,
Горячую по жилам гонит кровь.
□□Ему смотреть светло и радостно
□□На жизнь, на счастье, на любовь.

«Весенним дождиком разнежены...»
Весенним дождиком разнежены,
Травинки первые взошли.
Все вихри пыльные разрежены
И впали в ласковость земли.
Иду, иду дорогой новою,
Стихами сладкими хваля
Тебя за ласковость суровую,
Моя воскресшая земля.
О радостное пробуждение
Весны, таящейся во мгле!
Как сладостно мне возвращение
С весною и моё к земле!
«Как хорошо, что реют пчёлы...»
Как хорошо, что реют пчёлы
Над медоносными цветами!
Как хорошо, что свод тяжёлый
Пронизан яркими лучами!
Есть отблеск радости блаженной
В улыбках милой босоножки,
И тяготенье всей вселенной
На крылышках летящей мошки.
Да будет мир простым и цельным,
Да озарятся все дороги!
Упейтесь счастьем беспредельным
И будьте мудрыми, как боги!
Пляшите, резвые, пляшите,
И смейтесь, радостные, смейтесь!
Горите, пламенно горите,
И, догорев, легко развейтесь!
Как хорошо, что реют стрелы,
Что золот лук в руках у Феба!
Как чист и ясен парус белый
Ладьи, плывущей в плесках неба!
«Ты минувшего не ценишь...»
□□Ты минувшего не ценишь,
Но пути для нас наметил Бог,
И тоской желаний не изменишь
□□Предначертанных дорог.
□□Но не думай, что покорность
Нам дана в незыблемый закон.
Наш завет – стремленье и упорность
□□Против ветров всех сторон.
□□Мы должны лететь, как стрелы
С тяжким опереньем из свинца,
Дальше, дальше, в вечные пределы,
□□В царство светлого Отца.
□□Круги адовой метели
Да не клонят горний наш полёт
От святой и вожделенной цели,
□□От таинственных ворот.
«Признать, что всё на свете благо...»
Признать, что всё на свете благо,
Всё – чарование очей, –
Туманы деющая влага,
И зной драконовых лучей,
И ничему не прекословить,
Хотя б страшася и дрожа,
И утешение готовить
Себе в сверкании ножа,
И если скупом отмежеван
Безумной жизни тёмный путь,
И если крепкой цепью скован,
И цепи той не разомкнуть, –
Не унижаться до стенаний,
Тоской души не омрачать,
И мир безоблачных мечтаний
Не уставая создавать.

«Быть может, нисхожу я вниз...»
Быть может, нисхожу я вниз,
К долине тёмного заката,
Зато я никогда не грыз
И не преследовал собрата.
Не опалялся на того,
Кто больше взыскан громкой славой,
Не ополчался на него
Хулою зависти лукавой.
А если был порой суров,
И отвращался от ничтожных,
И не творил себе богов
Из мелких идолов и ложных, –
Прости меня, всезрящий Бог,
За верный труд всей долгой жизни,
За утомленья злых дорог
И за любовь мою к отчизне.
«Порой как будто онемеешь...»
Порой как будто онемеешь,
Ослепнешь и оглохнешь вдруг,
И сделать ничего не смеешь,
В замороженный вкован круг.
Тогда к земле приникни телом,
Чтоб сердце на груди родной
Себя почувствовало целым
И слитым с жизнью мировой.
Впивай в себя земли дыханье,
И встанешь снова прям и смел
Взволнован чарами желанья
И волею к свершенью дел.
«Утомительной печали...»
Утомительной печали
Расторгая тёмный сон,
Кони Феба нас помчали
□□Под уклон.
Мчатся, мчатся, – не удержишь, –
По пустыням, по жнивью,
И напрасно камни вержешь
□□В колею.
Колесо по камню жёстко
Стукнет, вскрикнешь от толчка.
Мчится быстрая повозка,
□□Так легка!
Замирает, замирает
Сердце, чуть в груди стуча.
Чей-то вздох протяжно тает
□□У плеча.
Чьи-то пламенные крылья
Зыбко веют у лица.
Донеси свое бессилье
□□До конца!
Не соскочишь и не схватишь
Ни одну из лёгких спиц,
И ничьих наверх не вскатишь
□□Колесниц.
Мчите странника земного,
Кони Феба, под уклон!
Я внизу увижу снова
□□Ясный сон.
«Как в дни, когда в Москве пылала Пресня...»
Как в дни, когда в Москве пылала Пресня,
Так и теперь, во дни тяжёлых борьб,
Не замолчит тоскующая песня,
□□И не уймётся в сердце скорбь.
Твои ли очи петь мне запретили,
О кобра хитрая? Покорен я
Меня влекущей к песнопенью силе,
Великому восторгу бытия.

Грызи, – вот видишь, грудь моя открыта, –

Иль впейся медленно в мою пятю.

Моя печаль с напевом сладким слита,

Ласкает стих печальную мечту.

Отныне пусть вовеки не увидит

Моя печаль печатных чёрных строк, –

Моей тоски, ужалив, не обидит

Беснующийся лжепророк.

«Вьются пёстренькие птички...»

Вьются пёстренькие птички

□□В вышине,

Свищут песни–невелички

□□Только мне.

«Отдавайся вдохновенью,

□□Не грусти,

Горе бросивши забвенью

□□На пути.

Если есть на свете клетки,

□□Что же нам!

Сладко дремлет на ветке

□□По ночам.

Золочёного чертога

□□Не ищи.

Утомит тебя дорога, –

□□Посвищи.

Сладки свисты полевые,

□□Знаешь сам,

А чертоги золотые, –

□□Что в них нам!»

Реют пёстренькие птички

□□Надо мной,

И заводят переклички

□□С тишиной.

В диком русском бездорожья

□□Труден путь.

Только с вами, птички Божьи,

□□Отдохнуть.

Гроза

Гимн

Да здравствует Россия,

Великая страна!

Да здравствует Россия!

Да славится она!

Племян освободитель,

Державный русский меч,

Сверкай, могучий мститель,

В пожаре грозных сеч.

Да здравствует Россия,

Великая страна!

Да славится Россия!

Да процветёт она!

Не в силе Бог, не в силе,

А только в правде Он.

Мы правдой освятили

Свободу и закон.

Да славится Россия,

Великая страна!

Да здравствует Россия!

Да славится она!

Россия – любовь

Небо наше так широко,

Небо наше так высоко, –

О Россия, о любовь!

Побеждая, не ликуешь,

Умирая, не тоскуешь.

О Россия, о любовь,

Божью волю славословь!

Позабудь, что мы страдали.

Умирают все печали.
Ты печалей не кляни.
Не дождёшься повторений
Для минувших обольщений.
Ты печалей не кляни.
Полюби все Божьи дни.
Россия
Ещё играешь ты, ещё невеста ты.
Ты, вся в предчувствии высокого удела,
Идёшь стремительно от роковой черты,
И жажда подвига в душе твоей зардела.
Когда поля твои весна травой одела,
Ты в даль туманную стремишь свои мечты,
Спешись, волнуешься, и мнёшь, и мнёшь цветы,
Таинственной рукой из горнего предела
Рассыпанные здесь, как дар благой тебе.
Вчера покорная медлительной судьбе,
Возмущена ты вдруг, как мощная стихия,
И чувствуешь, что вот пришла твоя пора.
И ты уже не та, какой была вчера,
Моя внезапная, нежданная Россия.
Пасха новая
И гром победы, и голос славы,
И возвращенье твоё, весна!
Пути пред нами, я верю, правы,
И даль пред нами ясна, ясна!
Пускай мы были так нерадивы,
Тая под спудом так много сил,
Но гром, упавший на наши нивы,
Тебя ль, Россия, не разбудил!
Христос воскресший, за Русью нашей
Ты не попомнишь безумств и зла.
Она склонилась пред страстной чашей
И, как невеста, Тебя ждала.
Христос воскресший, иди к невесте,
Веди невесту из зыбкой тьмы,
И с нею вместе, с Россией вместе,
Я верю, верю, воскреснем мы!
На начинающего Бог
На начинающего Бог!
Вещанью мудрому поверьте.
Кто шлёт соседям злые смерти,
Тот сам до срока изнемог.
На начинающего Бог!
Его твердыни станут пылью,
И обречёт Господь бессилью
Его, зачинщика тревог.
На начинающего Бог!
Его кулак в броне железной,
Но разобьётся он над бездной
О наш незыблемый чертог.
Марш
Барабаны, не бейте слишком громко, –
Громки будут отважные дела.
О них отдалённые вспомнят потомки
В те дни, когда жизнь засияет, светла.
Вспомнят угрозы нового Атиллы
И дикую злобу прусских юнкеров,
Вспомнят, как Россия дружно отразила
Движущийся лес стальных штыков.
Вспомнят, как после славной победы
Нация стала союзом племён
И бодро позабыла минувшие беды,
Как приснившийся ночью тяжёлый сон.
«Огнедышащей грозю...»
Огнедышащей грозю,
Непросветны и могучи,
Над твоею головою

Пронеслись, отчизна, тучи.
И судьба тебе дарила
Испытаний в прошлом много,
Но твоя живая сила
Укреплялась верой в Бога.
И как часто ни гремела
Над тобою буря злая,
Ты, отчизна, крепла, зрела,
Бога в помощь призывая.
Пронеслися дни печали,
И суровой и кровавой,
И, по воле Бога, стали
Эти грозы нашей славой.
Враг грозит нам бурей снова,
Мы же вспомним дни былые,
Как, могуча и сурова,
Ополчалась ты, Россия.
«Пора скликать народы...»
□□Пора скликать народы
□□На светлый пир любви!
Орлов военной непогоды
□□□Зови,
В торжестве святого своеволья
Развернуть пылающие крылья
Над зеркальностью застойных вод,
Унести из мутной мглы бессилья
□□В озарённые раздолья,
□□Где уже багрян восход.
Духов день
Сошествие Святого Духа!
О Русь! Достойна ль ты его?
Но сердце не пребудет глухо
К явлению Бога твоего.
Сильна ты подвигом безмерным.
Сладка тому твоя любовь,
Кто до конца остался верным,
До капли источая кровь.
□□Ты Христов подъемлешь крест
□□Выше гор и ярче звезд,
□□Только так ли ты чиста,
□□Чтоб лобзать Христа в уста?
Но в дни стихийно-грозовые,
Подъявши знаменье креста,
Ты исповедуешь, Россия,
И в бранном пламени Христа.
Сошествие Святого Духа!
Сверканье молнии во тьму!
Какое сердце будет глухо
И не откроется ему?
□□Зажигай же, Русь, костёр
□□Ярче звёзд и выше гор.
□□Ты страданием чиста,
□□В муках примешь ты Христа.
Тёмный порог
Тяжёлую ты открываешь дверь.
Неясные за дверью очертанья,
И робкие стремятся упованья,
Надежды трепетные и моленья
□□Во тьму за приоткрытой дверью.
Не унывай, о сердце, и поверь
В старинные, утешные преданья.
В святую ночь скажи свои желанья, –
Дана тогда им сила исполненья.
□□Не смейся старому поверью.
В этот час
В этот час, когда грохочет в тёмном небе грозный гром,
В этот час, когда в основах сотрясается наш дом,
В этот час, когда в тревоге вся надежда, вся любовь,

И когда сильнейший духом беспокоино хмурит бровь,
В этот час стремите выше, выше гордые сердца, –
Наслаждается победой только верный до конца,
Только тот, кто слепо верит, хоть судьбе наперекор,
Только тот, кто в мать не бросит камнем тягостный укор.

«Венок сплести...»

Венок сплести –

Цветы не расцвели.

Шла любовь

По тёмному пути, –

Сеяла кровь

По широкому лону земли.

День взойдёт, от буйной крови пьян,

Развернётся зол, багрян, –

Листья – дым, цветы – огни,

И для пчёл кровавый мёд

Потечёт

На обугленные пни.

Хочешь этих дней?

Не боишься их?

Злых огней

Моих?

«Год испытаний, год суровый!..»

Год испытаний, год суровый!

Тебя душа благословит, –

Заря гражданственности новой

Над нами в небесах горит.

Моя Россия верит верно,

что наш чертог неколебим,

что мужество солдат безмерно,

и что врага мы победим.

Моя Россия твёрдо знает,

Своею верою горда,

Каким позором угрожает

Ей ненавистная орда,

и всё приняв её стремленье,

Всю мощь орудий и машин,

Не упадёт в изнеможены

В пыли растоптанных долин.

Пылай, заря, восторгом новым,

и перед нами освети

В дыму губительном, багровом

К победе верные пути!

Как ни свирепствует судьбина,

Как вражья сила ни гнетёт,

Свободный подвиг гражданина

Тебя, Россия, вознесёт.

Год испытаний, год суровый!

Тебя душа благословит, –

Заря гражданственности новой

Над нами в небесах горит.

Невесте воин

Не десять солнц восходит здесь над нами,

□□□А лишь одно,

и лишь одну прожить под небесами

□□□Нам жизнь дано.

Но если враг наполнил содроганьем

□□□Мой край родной,

не надо жизни с милым расцветаньем

□□□Мне и одной.

И как ни плачь, свой взор в часы разлуки

□□□К земле клоня,

но не удержат ласковые руки

□□□Твои меня.

Когда к тебе вернусь, меня героем

□□□Ты не зови:

Исполнил я, стремясь к жестоким боям,

□□□Завет любви.

А если я паду за синей далью
□□В чужом краю,
Ты говори, горда своей печалью:
«Сражён в бою».

Запасному жена
Милый друг мой, сокол ясный!
Едешь ты на бой опасный, –
Помни, помни о жене.
Будь любви моей достоин.
Как отважный, смелый воин
Бейся крепко на войне.
Если ж только из-под пушек
Станешь ты гонять лягушек,
Так такой не нужен мне!
Что уж нам Господь ни судит,
Мне и то утехой будет,
Что жила за молодцом.
В плен врагам не отдавайся,
Умирай иль возвращайся
С гордо поднятым лицом,
Чтоб не стыдно было детям
В час, когда тебя мы встретим,
Называть тебя отцом.
Знаю, будет много горя.
Бабьих слёз прольётся море.
Но о нас ты не жалеи.
Бабы русские не слабы, –
Без мужей подымут бабы
Кое-как своих детей.
Обойдёмся понемногу, –
Люди добрые помогут,
Много добрых есть людей.
«Какая покорность в их плаче...»
Какая покорность в их плаче,
□□Какая тоска!
□□И как же иначе?
Бежит невозвратно река.
Уносятся грузные барки
□□С понурой толпой,
□□И слушают Парки
Давно им наскучивший вой.
□□К равнине уныло
Осенние никнут дожди.
□□Уж раз проводила,
Так сына обратно не жди.
Уж слёзы разлучные льются,
□□Кропя его путь.
□□Ему не вернуться
Припасть на вскормившую грудь.
□□Там где-то, в чужбине,
Далёко от знаемых мест,
□□В чужой домовине
Он ляжет под дружеский крест.
«Власяница. Ноги босы...»
Власяница. Ноги босы.
□□Разметались косы.
□□Заструились слёзы.
Власяница, – и молитва.
□□Завтра вспыхнет битва.
□□Развернутся розы.
Власяница, слёзы, стоны.
□□Заунывны звоны.
□□Злая будет сеча.
Власяница, утомленье.
□□Горькое моление.
□□Милый друг далече.
Обстрелян
Душа была тревогами томима

До первого решительного дня,
До первой пули, пролетевшей мимо,
Пронзившей воздух где-то близ меня.
Как будто в сердце мне она вонзилась,
Лишь для меня свершая свой полёт,
И странно всё во мне переменялось,
И знаю я, что я уже не тот.
И строй природы дивно перестроен,
И стал иным весь образ бытия.
И где же мирный я? Я – только воин.
Всегда передо мною смерть моя.
Ползёт ко мне за каждую горою,
И стережёт меня за каждым пнём,
И каждый раз я утренней зарёю
Встречаюсь как бы с последним днём.
Всё то, что было прежде непонятно,
Здесь понял я, склонившийся к ружью,
И потому, сражённый многократно,
Теперь врага бестрепетно убью.
И никогда тоскующая совесть
Не будет мне когтями сердце рвать,
Хотя бы дел моих отважных повесть
Мне правнукам пришлось рассказать.
«Какой я был бессильный!..»
Какой я был бессильный!
Никому я не мог помочь.
На меня тоской могильной
Веяла лютая ночь.
Я вышел в ратное поле,
Сражаюсь за святую Русь.
Вся жизнь моя в Божьей воле,
И я ничего не боюсь.
В ратном поле не боится
Тело моё трудных дней,
И у сердца не гнездится,
Не томит его тихий змей.
Что мне Господь ни судит,
Умру ли, домой ли вернусь,
Сердце моё биться будет
Любовью к тебе, моя Русь.
Побеждайте
Побеждайте Сатану!
Сатана безумства хочет,
И порочит он войну,
И бессилие пророчит.
Правда, радость и любовь
Не погибнут в лютом бое.
Мы даём войне иное,
Проливая нашу кровь.
Что Господь нам заповедал?
В ад сходил и сам Господь,
И земле и казни предал
Он божественную плоть.
Кровь, и подвиг, и страданье,
И дерзанье до конца,
И тернового венца
Опьянённое лобзанье.
Бельгиец
Я – мирный гражданин страны родной,
Торгую в Конго я слоновой костью,
Но дерзостно нарушен мой покой
Тевтонскою воинственной злостью.
Кирпичный дом, построенный отцом,
Угрозами мрачат аэропланы,
А на дорогах пыль стоит столбом,
И нагло мчатся прусские уланы.
Заклятье смерти снова разлито
На веси и поля родного края,

Но в чём же виноват я? сделал что?

И в чём повинна сторона родная?

Я не хочу войны, но воевать

С презрителем границ я крепко буду,

Хотя б его тьмочисленная рать

Несла смятение и смерть повсюду.

Бестрепетно я встречу дни тревог,

Воинственных отцов я вспомню песни.

Благослови мой труд, великий Бог!

Ты, доблесть прадедов моих, воскресни!

Утешение Бельгии

Есть в наивных предвещаньях правда мудрая порой.

То, чему поверит сердце, совершит народ-герой.

Вот Сивилла развернула книгу тёмную судеб,

И прочла одну страницу в книге той гадалка Тэб.

«Прежде чем весна откроет ложе влажное долин,

Будет храбрыми войсками взят заносчивый Берлин,

И, награвленной добычей поживиться не успев,

Злой народ, который грабит, испытает Божий гнев».

О герой, народ бельгийский! Испытаний час настал.

Вся земля взята врагами, и Антверпен крепкий пал,

И спешат к союзным ратям утомлённые полки.

Кто измерит, сколько в душах славных рыцарей тоски!

А в Берлине ликованье, песни, смех, колокола,

И толпа опять победой и пьяна, и весела.

Но я знаю, не трепещет дух Альберта короля.

Он свободными увидит скоро милые поля.

Уж плетёт ему победа вечный лавровый венец.

Он торжественно вернётся в свой разграбленный дворец.

Только правда – путь к победе, только верность – верный щит.

Так наивность предвещаний, так и мудрость говорит.

Индусский воин

□□Мои ребяческие игры

Смеялись в ярком зное той земли,

□□Где за околицами тигры

Добычу ночью чутко стерегли.

□□Моя возлюбленная Джанней

Ждала меня у вод, где лотос цвёл,

□□Когда один порою ранней

С ночной охоты я из джунглей шёл.

□□Мой император, англичанин,

Живёт в далёком северном краю.

□□Я за него в сраженьи ранен,

И за него я снова кровь пролью.

Стансы Польше

Ты никогда не умирала, –

Всегда пленительно жива,

Ты и в неволе сохраняла

Твои державные права,

Тебя напрасно хоронили, –

Себя сама ты сберегла,

Противоставив грозной силе

Надежды, песни и дела.

Твоих поэтов, мать родная,

Всегда умела ты беречь,

Восторгом сердца отвечая

На их пророческую речь.

Не заслужили укоризны

Твои сыны перед тобой, –

Их каждый труд был для отчизны,

Над Вислой, как и над Невою.

И ныне, в год великой битвы,

Не шлю проклятия войне.

С твоими и мои молитвы

Соединить отраднo мне.

Не дли её страданий дольше, –

Молю Небесного Отца, –

Перемени великой Польше

На лавры терния венца.
«На милый край, где жизнь цвела...»
На милый край, где жизнь цвела,
До Вислы на равнины наши,
Тевтонов ярость разлила
Огонь и смерть из полной чаши.
Как в день Последнего Суда,
Сверкай огонь, гремели громы,
Пылали наши города
И разрушались наши дома.
Когда ожесточённый бой
К иным пределам устремлялся,
На наших улицах разбой
Тевтонской рати начинался.
Презревши страх детей и дев,
На слёзы отвечая смехом,
В бесстыдство перешедший гнев
К безумным тяготел потехам.
И кровь струилась, и вновь
Вставал угарный дым пожара,
И пеплом покрывала кровь
Родных и милых злая кара.
Из милых мест нас гонит страх,
Но говорим мы нашим детям:
«Не бойтесь: в русских городах
Мы все друзей и братьев встретим».
Олегов щит
Олег повесил щит на медные ворота
Столицы цезарей ромейских, и с тех пор
Олегова щита нам светит позолота,
И манит нас к себе на дремлющий Босфор.
Века бегут на нас грозящими волнами,
Чтобы отбросить нас на север наш немой
И скрыть от наших глаз седыми облаками
Олегов светлый щит, блистающий звездой.
Но не сдержать в горах движенья снежной лавы,
Когда, подтаяв, вдруг она летит на дол, –
И Русь влечёт на щит не звонкий голос славы,
Но мощно-медленной судьбины произвол.
У Босфора
Опять, опять надеждой полны,
Мы снова верою сильны.
Гулливые, плещитесь, волны!
Свершайтесь, радостные сны!
Грохочут пушки у Босфора,
И уж свободны станут скоро
Пути для наших кораблей
На дали вольные простора,
На голубую ширь морей,
На то раздолье золотое,
Полдненным солнцем залитое,
Вдали от северной зимы,
Где прежде было всё чужое,
Где только гости были мы, –
И наши станут эти дали
И средиземный гул волны,
О чём так долго мы мечтали,
О чём нам снились только сны.
Нет, пятому не быть столетью
С тех пор, когда на горе нам
Магометанской стал мечетью
Царьградский и вселенский храм.
Тебе, тебе, моя Россия,
В мечте мерцая ярче звезд,
Юстинианова София
Опять святой поднимет крест,
И древние воскреснут фрески,
Свой свергнув известковый плен,

И расточатся арабески
В таинственном и ясном блеске
С Софийских озарённых стен.
Опять святой надеждой полны,
Опять мы верю сильны.
Плещитесь, голубые волны!
Свершайтесь, радостные сны!
«Грустить ли о потерях?..»
Грустить ли о потерях?
Нет, сердце мы утешим.
Мы терем, новый терем,
Из новых брёвен тешем.
Среди дремучих боров,
Благословенный Богом,
Построенный соборно,
Он высится чертогом.
«Есть вдохновенье и любовь...»
Есть вдохновенье и любовь
И в этой долго длимой муке.
Люби трудящиеся руки
И проливаемую кровь.
Из пламени живого слитый,
Мы храм торжественный творим,
И расточается, как дым,
Чертог коснеющего быта.
«Ещё сражаться надо много...»
Ещё сражаться надо много,
И многим храбрым умирать,
Но всё ж у нашего порога
Чужая разобьётся рать.
В победу мы смиренно верим
Не потому, что мы сильней.
Мы нашей верою измерим
Святую правду наших дней.
Когда над золотою рожью
Багряные текли ручьи,
Не опозорили мы ложью
Дела высокие свои.
Да, не одною сталью бранной
Народ наш защититься мог:
Он – молот, Господом избранный!
Не в силе, только в правде Бог.
Разрушит молот козни злые,
Но слава Господу, не нам, –
Он дал могущество России,
Он даст свободу племенам.
«Настали бедственные дни...»
Настали бедственные дни,
Пришла и стала смерть на страже.
Шипят зловещие огни,
Поля, дома – в дыму и в саже.
Протяжным плачем робких жён
Звенят унылые селенья.
Никто не будет пощажён.
Напрасны слёзы и моленья, –
Но к церкви Божьей все тропы
В смятеньи гулком и великом.
Один идёт среди толпы
С холодным и спокойным ликом.
Бесстрашный отрок, он глядит
На всех печально, но бесстрастно,
И равнодушно говорит:
«Пускай умру, – мольба напрасна».
Бой-скоуту
Двух отважных расстреляли
Беспощадные враги.
Голоса их замолчали,
Отзвучали их шаги,

И на мир уже не взглянет
Смелый взор, но память их
Сохранять историк станет
И поэта верный стих.
Так не бойся вражьей мести,
Милой жизни не жалеи
Для победы и для чести
Славной родины твоей.
Чтобы ты, не зная страха,
Светлой жизни не берёг,
Вот зачем тебя из праха
В наши дни восставил Бог,
И послал на поле брани,
Чтоб и наш увидел век,
До какой высокой грани
Может прыгнуть человек.
Ночная встреча
Поднимаются туманы
Над болотом и рекой,
И деревья-великаны
Зачарованы тоской.
Я один иду дорогой.
Притворяться надо мне.
Я – мальчишка босоногий,
В здешней вырос я стране.
Там, где вражья рать засела,
Обойду я город весь.
Повторять я буду смело:
Старый дед остался здесь.
Лунный свет струится ложный.
Всё, что встречу, словно бред.
Вижу я в пыли дорожной
Чей-то странный, зыбкий след.
Пронизал мне холод кости, –
Мёртвый воин под кустом.
Не на дедовском погосте
Он нашёл свой вечный дом.
Страшно мне, что я случайно
Наступил на мёртвый след.
Сердце мне пророчит тайно
Завтра много зол и бед.
Но удастся ли мне, нет ли,
Я назад не побегу.
Не боюсь я вражьей петли,
Кончу дело, как смогу.
Ночной приказ
Шаг за шагом, осторожно
Я в полях чужих иду, –
Всё тревожно, всё возможно,
Всё в тумане и в бреду.
Росы холодны и белы,
Дрёмны росные кусты.
Все забылися пределы
Пустоты и суеты.
Нет в душе иной заботы,
Как, найдя укрытый лаз,
Принести в другие роты
Мне доверенный приказ.
Часовой
Я один на перекрёстке.
Ночь безмолвна и грустна.
Подо мною камни жёстки,
Надо мной луна бледна.
Резко крикнул ворон чёрный,
Предвещающий беду.
Я, спокойный и покорный,
Чутко слушаю и жду.
Слышу легкий, дальний шорох.

Враг таится, знаю я.
Вот в кустах он. Вспыхни, порох,
В дуле меткого ружья!
Вражий страж
Он стережёт враждебный стан.
Бесстрашный воин он и верный.
В полях колышется туман.
Часы скользят чредою мерной.
Разведать путь приказ мне дан.
Крадусь во мгле болотной и пещерной,
Где запах злой, тяжёлый, серный.
Ползу, как змей угарных стран.
Вот близок он. Стоит. Заслышал шорох.
Я весь прилёг к земле, в траву я вник.
Я вижу блеск луны на вражьи взорах,
Усы колючие и серый воротник.
Вот успокоился. Идёт. Сейчас он ляжет.
Но что пред смертью он мне скажет?
Осенняя могила
Осень холод привела.
Листья на землю опали,
Мгла в долинах залегла,
И в лесу нагие дали.
Долго бились и ушли,
Там, где брошена лопата,
Под бугром сырой земли,
Труп германского солдата.
Безвременник луговой,
Распускает цвет лиловый
Стебель тонкий и нагой
Над могилою суровой.
Где-то плачет, плачет мать,
И жена в тоске унылой.
Не придут они сломать
Цвет, возникший над могилой.
Лихорадка окопов
Томителен жар лихорадки.
В окопах по горло вода.
Под пологом серой палатки
Приляжешь, – иная беда.
Предстанет вечерняя нежить
И станет обманчиво жить,
То сладкою негою нежить,
То горькой истомой томить.
Нет, лучше скорее в штыки бы,
Прогнать бы подальше врагов,
Проникнуть туда б, за изгибы
Врага укрывающих рвов.
Дождь и сон
Мы могучи и упрямы,
Враг упорен и могуч.
Как и он, копаем ямы
Под дождём из серых туч.
Так томительно сиденье
Здесь в окопах под горой!
Друг мой сладкий, сновиденье,
Посети меня порой,
Унеси от злобы бранной,
От полей, где льётся кровь,
В край весны благоуханной,
Где увенчана любовь!
Бред в окопах
Огоньки за огоньками
Золотыми мотыльками
Задрожали в мутной мгле.
Точно с неба угольками
Кто-то сеет...
Ты ошибся. Где ты видишь

Огоньки и угольки?
Это враг твой чары деет,
Враг твой ходит по земле
В несказанном, смутном виде,
Шорох ног его ты слышишь
На бессильных травах,
Шум протянутой руки.
Дольный воздух весь в отравках, –
Ты отравой вражьей дышишь.
«Несутся миров водопады...»
Несутся миров водопады.
Свершая торжественный пир,
Господь зажигает лампы,
И каждая – пламенный мир.
Мы в благодать вселенскую верим:
Святые надежды зажгли
Звездами сверкающий терем
Над грешным простором земли,
Над нашим беспечным весельем,
Где мёртвые лампы горят,
И там, над ночным новосельем
В окопы залёгших солдат.
Душа! Ты миров ли не шире?
Вселенскою вьюгой живи,
Зажги, как в ликующем мире,
Святые лампы любви.
Пылающий конь
□□ Там за рекою
□□ Грозный огонь.
Близко с грозой боевою
Мчится пылающий конь.
□□ В красной лампаде
□□ Красный огонь.
Что же молить о пощаде!
Близок пылающий конь.
□□ Грозные громы,
□□ Грозный огонь.
Вот, разрушающий дома,
Мчится пылающий конь.
□□ Блещет и льётся
□□ Красный огонь.
Сердце томительно бьётся, –
Близок пылающий конь.
Святой Георгий Победоносец
□□ Святой Георгий
□□ Победоносец
Идолам не поклонился,
Славу Господу воздал.
Злой правитель разъярился,
Палача с мечом призвал.
Меч тяжёлый раздробился,
И Георгий светел встал.
□□ Мечом тяжёлым
□□ Сражённый трижды,
□□ Воскрес трикраты
□□ Святой Георгий
□□ Победоносец!
Слёзы льёт народ в восторге,
Но тиран не вразумлён,
И в четвёртый раз Георгий
Умирает, поражён.
□□ Он Богом призван
□□ Для вечной жизни,
□□ Для вечной славы,
□□ Святой Георгий
□□ Победоносец!
И нетлением венчанный,
На горе небес стоит,

И на каждый подвиг бранный,
Ясно радуясь, глядит.
День победы, день желанный
Славным ратям он сулит,
□□Святой Георгий
□□Победоносец!
Восторги слёз
Вошла, вздыхая, в Божий храм,
Устало стала на колени.
Звучали светлые ступени,
Синел отрадный фимиама.
Горели пред распятьем свечи,
И благостно глядел Христос.
Не обещал он с милым встречи,
Но утешал восторгом слёз.
И Он терпел за раной рану,
И был безумными убит.
«Я биться головой не стану
О тихий холод тёмных плит!»
Стояла долго и молилась,
Склонившись у пронзённых ног.
Тоска в покорность претворилась:
«Да будет так, как хочет Бог!»
В лазарете
Вынес я дикую тряску
□□Трудных дорог.
Сделали мне перевязку.
□□Я изнемог.
Стены вокруг меня стали,
□□С тьмою слиты,
Очи твои засияли, –
□□Здесь, милосердная, ты.
В тихом забвении жизни,
□□Зла и страстей,
Рад я вернуться к отчизне
□□Вечной моей.
Но от меня заслоняя
□□Муку и зной,
Тихой улыбкой сияя,
□□Ты предо мной.
Тихо шепнула три слова:
«Ты не умрёшь».
Сердце поверить готово
□□В нежную ложь.
«Встанет тёмный день...»
Встанет тёмный день.
Трудный день утрат.
Белый плат надень,
Сверху чёрный плат.
Вознесла любовь
Выше ярких звезд.
Там, где льётся кровь,
Рдеет красный крест.
И не знала, как
Стала впереди.
Крест, как алый мак,
На её груди.
Громок вражий крик
На верху горы.
Метит острый штык
Прямо в грудь сестры.
«Венцы печали...»
□□Венцы печали –
Отрада плачущих невест.
Мы каждый вечер их встречали
У перекрёстка, там, где крест.
□□Идут, рыдая.
К босым ногам их никнет пыль.

Там, у креста, печаль седая
Кровавую им шепчет быль.
Генриетта
Генриетта, Генриетта!
Я зову.
Спряталась ли где-то
Ты в траву?
Стариков не видно,
Сад их нем,
Дом, – глядеть обидно! –
Кем разрушен, кем?
Генриетта, Генриетта,
Где же ты?
Помнишь это лето,
Как с тобою мы гуляли
В чистом поле и сбирали
Там цветы?
Где дорога
Вдаль вела,
У порога
Ты меня ждала,
Так светла и весела.
Генриетта, Генриетта,
Ты была легко одета,
В белый шёлк одета.
Жемчуг был на шее,
Но твоя краса
Жемчуга милее.
Ты беспечно улыбалась,
Звонко, звонко ты смеялась,
И в ту пору разведалась
За спиной твоя коса.
Ты любила быть простою,
Как весна,
Так светла душою,
Так ясна.
Мы играли,
Мы шутили,
Мы друг друга догоняли,
И ловили,
И сбирали
В это лето
Мы цветы.
Генриетта, Генриетта,
Где же ты?
Генриетта знала
Все дороги, все пути.
Где и как пройти,
Генриетта знала.
Ей пруссак сказал: «Веди!»
Генриетта побежала
Впереди,
Путь пруссакам указала
Под шрапнели,
На штыки,
Но убить успели
Генриетту пруссаки.
Генриетта, Генриетта,
Если есть у Бога лето,
Если есть у Бога рай,
Ты в раю играй.
Гадание
Какой ты будешь, Новый год?
Что нам несёшь ты? радость? горе?
Идёшь, и тьма в суровом взоре,
Но что за тьмою? ппакмень? лёд?
Кто разгадает предвещанья,
Что так невнятно шепчешь ты

У тёмной роковой черты
В ответ на робкие гаданья?
Но как в грядущем ни темно,
И как ни мглысты все дороги,
Мне на таинственном пороге
Одно предвестие дано:
Лишь только сердце бьётся верно,
А все земные бури – дым;
Всё будет так, как мы хотим,
Лишь стоит захотеть безмерно.

Фимиамы

«На что мне пышные палаты...»
На что мне пышные палаты
И шёлк изнеженных одежд?
В полях мечты мои крылаты,
Подруги сладостных надежд.
Они летят за мной толпами,
Когда, цветам невинным брат,
Я окрылёнными стопами
Иду, куда глаза глядят.
Слагать стихи и верить смело
Тому, кто мне дарует свет,
И разве есть иное дело,
Иная цель, иной завет?
«В ясном небе – светлый Бог Отец...»
В ясном небе – светлый Бог Отец,
Здесь со мной – Земля, святая Мать.
Аполлон скуёт для них венец,
Вакх их станет хмелем осыпать.
Вечная качается качель,
То светло мне, то опять темно.
Что сильнее, Вакхов тёмный хмель,
Или Аполлоново вино?
Или тот, кто сеет алый мак,
Правду вечную один хранит?
Милый Зевс, подай мне верный знак,
Мать, прими меня под крепкий щит.
«Бывают дивные мгновенья...»
Бывают дивные мгновенья,
Когда насквозь озарено
Блаженным светом вдохновенья
Всё, так знакомое давно.
Всё то, что сила заблужденья
Всегда являла мне чужим,
В блаженном свете вдохновенья
Опять является моим.
Смирятся мои стремленья,
Мои безбурны небеса.
В блаженном свете вдохновенья
Какая радость и краса!
«В пути томительном и длинном...»
В пути томительном и длинном,
Влачась по торжищам земным,
Хоть на минуту стать невинным,
Хоть на минуту стать простым,
Хоть краткий миг увидеть Бога,
Хоть гневную услышать речь,
Хоть мимоходом у порога
Чертога Божия прилечь!
А там пускай затмится пылью
Святая Божия тропа,
И гнойною глумится былью
Ожесточённая толпа.
«Скифские суровые дали...»
Скифские суровые дали,
Холодная, тёмная родина моя,
Где я изнемог от печали,
Где змея душит моего соловья!

Родился бы я на Мадагаскаре,
Говорил бы наречием, где много «а»,
Слагал бы поэмы о любовном пожаре,
О нагих красавицах на острове Самоа.
Дома ходил бы я совсем голый,
Только малою алою тканью бедра обьяв,
Упивался бы я, бескрайно весёлый,
Дыханьем тропических трав.
«Благодарю тебя, перуанское зелие!..»
Благодарю тебя, перуанское зелие!
Что из того, что прошло ты фабричное ущелие!
Всё же мне дарит твоё курение
Лёгкое томное головокружение.
Слежу за голубками дыма и думаю:
Если бы я был царём Монтезумою,
Сгорая, воображал бы я себя сигарою,
Благоуханною, крепкою, старую.
Огненной пыткой в конец истомлённому
Улыбнулась бы эта мечта полусожжённому.
Но я не царь, безумно сожжённый жестокими.
Твои пытки мне стали такими далёкими.
Жизнь мне готовит иное сожжение.
А пока утешай меня, лёгкое тление,
Отгоняй от меня, дыхание папиросное,
Наваждение здешнее, сердцу несносное,
Подари мне мгновенное, зыбкое веселие.
Благословляю тебя, перуанское зелие!
«Лежу и дышу осторожно...»
Лежу и дышу осторожно
В приюте колеблемых стен.
Я верю, я знаю, как можно
Бояться внезапных измен.
Кто землю научится слушать,
Тот знает, как зыблемо здесь,
Как стены нетрудно обрушить
Из стройности в дикую смесь.
И вот предвещательной дрожью
Под чьей-то жестокой рукой
Дружится с бытийскою ложью
Летийский холодный покой.
«Все земные дороги...»
□□Все земные дороги
В разделениях зла и добра,
□□Всеблаженные боги,
□□Только ваша игра!
□□Вы беспечны и юны,
□□Вам бы только играть,
И ковать золотые перуны,
□□И лучами сиять.
□□Оттого, что Вас трое,
Между Вами раздор не живёт.
□□И одно, и другое,
□□К единению Воля ведёт.
«Когда с малютками высот...»
Когда с малютками высот
Я ополчался против гадов,
Ко мне пришёл посланник адов.
Кривя улыбкой дерзкой рот,
Он мне сказал: «Мы очень рады,
Что издыхают эти гады, –
К Дракону сонм их весь взойдёт.
И ты, когда придёшь в Змеиный,
Среди миров раскрытый рай,
Там поздней злобою сгорай, –
Ты встретишь там весь сонм звериный.
И забавляться злой игрой
Там будет вдохновитель твой,
Он, вечно сущий, Он единый».

«При ясной луне...»
При ясной луне,
В туманном сиянии,
Замок снится мне,
И в парчовом одеянии
Дева в окне.
Лютни печальной рыдания
Слышатся мне в отдалении.
Как много обаяния
В их пении!
Светит луна,
Дева стоит у окна
В грустном томлении.
Песня ей слышится.
Томно ей дышится.
Вечно одна,
Грустна, бледна, –
Ни подруги, ни матери нет.
Лунный свет
Сплетаёт
Чудные сны
И навеваёт
Жажду новизны.
Жизнь проводит тени в скуке повторений,
Грустно тени мрачные скользят.
Песни старых бед и новых сожалений
Загадочно звучат.
Звучат загадочно
Трепетные сны.
Бьётся лихорадочно
Жажда новизны.
Желаний трепет,
Страсть новизны
И новизна страстей, –
Вот о чём печальной песни лепет
В сострадательном мерцании луны
Говорит тихонько ей
И душе моей.
О. А. Глебовой-Судейкиной
Не знаешь ты речений скверных,
Душою нежною чиста.
Отрада искренних и верных –
Твои весёлые уста.
Слова какие ж будут грубы,
Когда их бросит милый рок
В твои смеющиеся губы,
На твой лукавый язычок!
«Я испытал превратности судеб...»
Я испытал превратности судеб,
И видел много на земном просторе,
□□Трудом я добывал свой хлеб,
□□И весел был, и мыкал горе.
На милой, мной изведанной земле
Уже ничто теперь меня не держит,
□□И пусть таящийся во мгле
□□Меня стремительно повержет.
Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло-молод, –
□□Мой труд. Иных земных наград
□□Не жду за здешний дикий холод.
Когда меня у входа в Парадиз
Суровый Пётр, гремя ключами, спросит:
«Что сделал ты?» – меня он вниз
□□Железным посохом не сбросит.
Скажу: «Слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны,
□□И вообще мои грехи,
□□Апостол Пётр, многообразны.

Но я – поэт». – И улыбнётся он,
И разорвёт грехов рукописанье.
□□И смело в рай войду, прощён,
□□Внимать святое ликованье,
Не затеряется и голос мой
В хваленьях ангельских, горящих ясно.
□□Земля была моей тюрьмой,
□□Но здесь я прожил не напрасно.
Горячий дух земных моих отрав,
Неведомых чистейшим серафимам,
□□В благоуханье райских трав
□□Вольётся благовонным дымом.
«Один свершаю долгий путь...»
Один свершаю долгий путь
И не хочу с него свернуть
Туда, где мечется толпа,
Самолюбива и тупа.
Для тех, кто хочет побеждать
И блага жизни отнимать,
Оставил долю я мою,
И песню вольную пою.
«Радуйся, радуйся, Ева...»
Радуйся, радуйся, Ева,
Первая и прекраснейшая из жён!
Свирепый Адонаи
Лишил тебя земной жизни,
За то, что ты преступила
Его неправый завет.
Свирепый Адонаи
Поразил твоё нежное тело,
И обрёл его смерти,
Тёмной и смрадной, –
Но твоё потомство
Населило землю.
Радуйся, радуйся, Ева,
Всеблагий Люцифер с тобою,
Люцифер с тобою и с нами!
«Приветствуем Еву...»
Приветствуем Еву,
Мать человеческого рода.
Люцифер тебя создал
Дивными руками
Из сладкого сока
Благоуханнейших земных цветов.
Привет тебе, Ева,
Первая и прекраснейшая из жён!
Ты – первая святая жертва
Злого Адонаи,
Излившего свою ярость
На эту землю.
Привет тебе, Ева,
Преблагий Люцифер с тобою!
Он, злой Адонаи,
Обрёл тебя смерти,
Тебя и Адама,
И твоё потомство,
Потому что ты носила
Под сердцем
Благословенный плод
Небесной любви.
Привет тебе
В радостях
И в печалях!
Злой Адонаи
Обрёл тебя смерти, –
Но твоё потомство
Он не мог уничтожить
Всею злостью

Буйных стихий.

Привет тебе, Ева,

Привет!

«Хнык, хнык, хнык!..»

«Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

Прошлый раз тебя я видел, –

□□Ты был горд,

Кто ж теперь тебя обидел,

□□Бог иль чёрт?

«Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

«Ах, куда, куда ни скочишь,

□□Всюду ложь.

Поневоле, хоть не хочешь,

□□Заревёшь,

□□Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

Что тебе чужие бредни,

□□Милый мой,

Ведь и сам ты не последний,

□□Крепко стой!

«Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

«Знаю, надо бы крепиться,

□□Да устал,

И придётся покориться.

□□Кончен бал!

□□Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

Ну так что же! Вот и нянька

□□Для потех.

Ты на рот старухи глянь-ка, –

□□Что за смех!

«Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

«Этой старой я не знаю,

□□Не хочу,

Но дверей не запираю,

□□И молчу.

□□Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

«Как же богат я слезами!..»

Как же богат я слезами!

Падают с неба дождём,

Тихо струятся ручьями,

Бьют и сверкают ключом.

Только глазам недосужно

Слёзы ещё проливать,

Да и не нужно, не нужно

Солнечный свет затмевать.

«Замолкнули праздные речи...»

Замолкнули праздные речи,

Молитвой затеплился храм,

Сияют лампы и свечи,

Восходит святой фимиам.

Возносим пасхальные песни

От слёзно-сверкающих рос.

Воскресни, воскресни,

Воскресни, Христос,

Вливаются светлые вести

В ответный ликующий стих;

К сберёгшей венец свой невесте

Нисходит небесный Жених.

«Печальный друг, мой путь не прокляни...»

Печальный друг, мой путь не прокляни,

Лукавый путь весёлого порока.

К чему влачить безрадостные дни?

Желания обуздывать жестоко.
Не хочешь ли загробного венца?
Иль на земле отрадна долговечность?
Грешн со мной, люби мою беспечность, –
Нам далеко до тёмного конца.
Смотри, сняла я медленные платья,
И радостной сияю наготой.
Познай любовь, познай мои объятья,
Насыть и взор, и душу красотой.
Настанет срок, прекрасное увянет,
Тогда молись и плачься о грехах,
И если плоть твоя грешить устанет,
Мечтай о счастье в вечных небесах.
«Знаю знанием последним...»
Знаю знанием последним,
Что бессильна эта тьма,
И не верю тёмным бредням
Суеверного ума.
Посягнуть на правду Божью –
То же, что распять Христа,
Заградить земною ложью
Непорочные уста.
Но воскресший вновь провещет,
Будет жизнь опять ясна,
И дымяся затрепещет
Побеждённый Сатана.
«Мой милый друг! я прежде был...»
Мой милый друг! я прежде был
□□Такой же, как и ты,
И простодушно я любил
□□Весну, цветы, мечты.
Любил ночные небеса
□□С задумчивой луной,
Любил широкие леса
□□С их чуткой тишиной,
Мечтал один, и ждал один
□□Каких-то светлых дней,
Каких-то сладостных годин
□□И радостных огней.
«Небо – моя высота...»
Небо – моя высота,
Море – моя глубина.
Радость легка и чиста,
Грусть тяжела и темна.
Но, не враждуя, живут
Радость и грусть у меня,
Если на небе цветут
Лилии светлого дня, –
Волны одна за одной
Тихо бегут к берегам,
Радость царит надо мной,
Грусти я воли не дам.
Если же в тучах скользят
Змеи, звеня чешуёй –
Волны кипят и гремят,
Дерзкой играя ладьёй,
Буйная радость дика,
Биться до смерти я рад,
Разбушевaлась тоска,
Нет ей границ и преград.
Клевета
Лиловая змея с зелёными глазами,
Я всё ещё к твоим извивам не привык.
□□Мне страшен твой, с лукавыми речами,
□□□□Раздвоенный язык.
Когда бы в грудь мою отравленное жало
Вонзила злобно ты, не возроптал бы я.
□□Но ты всегда не жалом угрожала,

□□□□Коварная змея.
Медлительный твой яд на землю проливая
И отравляя им невинные цветы,
□□Шипела, лживая и неживая,
□□□□О гнусных тайнах ты.
Поднявши от земли твоим холодным ядом
Среди немых стволов зелёно-мглистый пар,
□□Ты в кровь мою лила жестоким взглядом
□□□□Озноб и гнойный жар.
И лес, где ты ползла, был чудищами полон,
Дорога, где я шёл, свивалася во мгле.
□□Ручей, мне воду пить, клубился, солон,
□□□□И мох желтел в золе.
«Знаю правду, верю чуду...»
Знаю правду, верю чуду,
И внимаю я повсюду
Тихим звукам тайных сил.
Тот просвет в явленьи всяком,
что людей пугает мраком,
я бесстрашно полюбил.
я не ваш, я бесполезный.
я иду над вечной бездной
Вдаль от блага и от зла.
Мне всегда несенно-чужды
Все земные ваши нужды,
Преходящие дела.
«Зачем любить? Земля не стоит...»
Зачем любить? Земля не стоит
□□□□Любви твоей.
Пройди над ней, как астероид,
□□□□Пройди скорей.
Среди холодной атмосферы
□□□□На миг блесни,
Яви мгновенный светоч веры
□□□□И схорони.
Нине Каратыгиной
Вы любите голые девичьи руки,
И томно на теле шуршащие бусы,
И алое, трепетно-знойное тело,
И животворящую, буйную кровь.
И если для сердца есть терпкие муки,
И совесть глубокие терпит укусы,
И только жестокость не знает предела,
Так что ж, – и такую любите любовь.
«Дай мне эфирное тело...»
Дай мне эфирное тело,
Дай мне бескровные вены!
К милому б я полетела
Мимо затворы и стены!
Дай мне прозрачное тело,
Сбросить бы тесные платья!
К милому б я полетела
Пасть, замирая, в объятья.
Дай мне крылатое тело,
Трепетно-знойные очи!
К милому б я полетела
Яркою молнией ночи.
«Не думай, что это – берёзы...»
Не думай, что это – берёзы,
А это – холодные скалы.
Всё это – порочные души.
Печальны и смутны их думы,
И тягостна им неподвижность,
И нам они чужды навеки,
И люди вовек не узнают
Заклятой и страшной их тайны.
И мудрому только провидцу
Открыто их тёмное горе

И тайна их скованной жизни.
«Как лук, натянутый не слишком туго,
Как лук, натянутый не слишком туго,
Я животом и грудью встречу друга,
И уж потом в объятья упаду.
Но и тогда, когда темны ресницы,
Я сохраню тот выгиб поясницы,
С которым я в дневных лучах иду.
Пряма в толпе, я вовсе не другая
И в час, когда пред ним лежу нагая,
Простёршись во весь надменный рост.
С покорностью любовь не познакомит,
И обнимающий меня не сломит
Стремительного тела крепкий мост.
«Под сению Креста рыдающая Мать...»
Под сению Креста рыдающая Мать.
Как ночь пустынная, мрачна её кручина.
Оставил Мать Свою, – осталось ей обнять
Лишь ноги бледные измученного Сына.
Хулит Христа злодей, распятый вместе с ним:
«Когда ты Божий Сын, так как же ты повешен?
Сойди, спаси и нас могуществом твоим,
Чтоб знали мы, что ты всесилен и безгрешен».
Любимый ученик сомнением объят,
И нет здесь никого, в печали или в злобе,
Кто верил бы, что Бог бессильными распят
И встанет в третий день в своём холодном гробе.
И даже сам Христос, смутившись наконец,
Под гнётом тяжких дум и мук изнемогая,
Бессильным естеством медлительно страдая,
Возвал: «Зачем меня оставил Ты, Отец!»
В Христа уверовал и Бога исповедал
Лишь из разбойников повешенных один.
Насилья грубого и алчной мести сын.
Он Сыну Божьему греховный дух свой предал.
И много раз потом вставала злоба вновь,
И вновь обречено на казнь бывало Слово,
И неожиданно пред ним горела снова
Одних отверженцев кровавая любовь.
«Муж мой стар и очень занят, всё заботы и труды...»
Муж мой стар и очень занят, всё заботы и труды,
Ну, а мне-то что за дело, что на фраке три звезды!
Только пасынок порою сердце мне развеселит,
Стройный, ласковый и нежный, скромный мальчик Ипполит.
Я вчера была печальна, но пришел любезный гость,
Я всё горе позабыла, утопила в смехе злость.
Что со мной случилось ночью, слышал только Ипполит,
Но я знаю, скромный мальчик эту тайну сохранит.
Утром, сладостно мечтая, я в мой светлый сад вошла,
И соседа молодого я в беседку позвала.
Что со мной случилось утром, видел только Ипполит,
Но я знаю, скромный мальчик эту тайну сохранит.
В полдень где найти прохладу? Только там, где есть вода.
Покатать меня на лодке Ипполиту нет труда.
Что со мной случилось в полдень, знает только Ипполит.
Но, конечно, эту тайну скромный мальчик сохранит.
«Всё, что вокруг себя знаю...»
Всё, что вокруг себя знаю, –
Только мистический круг.
Сам ли себя замыкаю
В тёмное зарево вьюг?
Или иного забавит
Ровная плоскость игры,
Где он улыбочиво ставит
Малые наши миры?
Знаю, что скоро открою
Близкие духу края.
Миродержавной игрою

Буду утешен и я.
«Близ ключа в овраге...»
Близ ключа в овраге
Девы-небылицы
Жили, нагло наги,
Тонки, бледнолицы.
Если здешний житель,
Сбившийся с дороги,
К ним входил в обитель,
Были девы строги.
Страхи обступали
Бедного бродягу,
И его гоняли
По всему оврагу.
Из чужого ль края
Путник, издалеча,
Для того другая,
Ласковая встреча.
Вдруг на дне глубоком
Девы молодые,
С виноградным соком
Чаши золотые,
Светлые чертоги,
Мягкие ложницы,
В лёгкой пляске ноги
Голой чаровницы,
Звон и ликованье,
Радостное пенье,
Сладкое мечтанье,
Тихое забвенье.
«Моя верховная Воля...»
Моя верховная Воля
Не знает внешней цели.
Зачем же Адонаи
Замыслил измену?
Адонаи
Взошёл на престолы,
Адонаи
Требует себе поклоненья, –
И наша слабость,
Земная слабость
Алтари ему воздвигла.
Но всеблагий Люцифер с нами,
Пламенное дыхание свободы,
Пресвятой свет познания,
Люцифер с нами,
И Адонаи,
Бог тёмный и мстящий,
Будет низвергнут
И развенчан
Ангелами, Люцифер, твоими,
Вельзевулом и Молохом.
«Упрекай меня, в чём хочешь...»
Упрекай меня, в чём хочешь, –
Слёз моих Ты не источишь,
И в последний, грозный час
Я пойду Тебе навстречу
И на смертный зов отвечу:
«Зло от Бога, не от нас!»
Он смесил с водою землю,
И смиренно я приемлю,
Как целительный нектар,
Это Божье плюновенье,
Удивительное бренье,
Дар любви и дар презренья,
Малой твари горний дар.
Этой вязкой, тёплой тины,
Этой липкой паутины

Я сумел презреть полон.
Прожил жизнь я, улыбаясь,
Созерцаньям предаваясь,
Всё в мечты мои влюблён.
Мой земной состав изношен,
И куда ж он будет брошен?
Где надежды? Где любовь?
Отвратительно и гнило
Будет всё, что было мило,
Что страдало, что любило,
В чём живая билась кровь.
Что же, смейся надо мною!
Я слезы Твоей не стою,
Хрупкий делатель мечты.
Только знаю, Царь Небесный,
Что голгофской мукой крестной
Человек страдал, не Ты.
«На тихом берегу мы долго застоялись...»
На тихом берегу мы долго застоялись.
Там странные цветы нам сладко улыбались,
Лия томительный и пряный аромат.
Фелонь жреца небес прохладно голубела.
Долина томная зарёю пламенела,
Ровна и холодна в дыханьи горьких мят.
Донесся к нам наверх рожка призыв далёкий.
Бренчали вдалеке кутасы мирных стад.
Какой забавный звон! В безмолвности широкой
Янтарный звон зари смирил полдневный яд.
«Грести устали мы, причадили...»
Грести устали мы, причадили,
□□□И вышли на песок.
Тебя предчувствия печалили,
□□□Я был к тебе жесток.
Не верил я в тоску прощания,
□□□Телесных полный сил,
Твою печаль, твоё молчание
□□□Едва переносил.
Безумный полдень, страстно дышащий,
□□□Пьянящий тишину,
И ветер, ветви чуть колышущий
□□□И зыблущий волну,
Завесой шаткой, обольстительной
□□□Весь мир обволокли,
И грех мне сладок был пленительной
□□□Прохладой земли.
Маргрета и Леберехт
Шутливая песенка
□□С милой, ясной
□□Девой красной,
С этой бойкою Маргретой,
Знойным летом разогретой,
Песни пел в лесочке кнехт,
Разудалый Леберехт.
□□Звонко пели,
□□Как свирели.
Леберехт твердил Маргрете:
«Краше девки нету в свете!
Но, Маргрета, вот что знай:
Ты с другими не гуляй!»
□□Ах, Маргрета
□□В это ж лето,
Не нарочно, так, случайно,
С подмастерьем Куртом тайно
Обменяла поцелуй
На берегу весёлых струй.
□□Но от кнехта
□□Леберехта
Не укрылася Маргрета, –

Леберехт всё видел это.
Только лишь слились уста,
Леберехт из-за куста.
□□Курт умчался,
□□Кнехт остался.
Слов не тратил на угрозы.
Кнехту смех, а Грете слёзы.
Но уж с той поры она
Кнехту так была верна!
□□Скоро с кнехтом
□□Леберехтом
Под венец пошла Маргрета,
Точно барышня одета, –
И уехал Леберехт
Вместе с Гретою в Утрехт.
«Новый человек во мне проснулся...»
Новый человек во мне проснулся,
□□Свободный,
И радостно и чутко я на землю оглянулся,
□□Холодный.
Передо мной путей лежало разных
□□Так много,
Но чистая, средь многих злых и грязных,
□□Одна дорога.
«В моих мечтах такое постоянство...»
В моих мечтах такое постоянство,
□□Какого в мире нет.
Весь мир – одно лишь внешнее убранство,
Одна мечта – и жизнь, и свет.
Мир не поймёт мерцающего света,
Он только плоть, бездушная, как сон,
И в нём душа не обретёт ответа, –
□□Молчаньем вечным скован он.
«Кумир упал, разрушен храм...»
Кумир упал, разрушен храм,
И не дымится фимиам
Над пыльной грудой развалин.
Я в дальний путь иду, печален,
И не молюсь чужим богам.
Но если слышу я моления,
Душа полна благоговенья,
И не с насмешкой брошу взгляд
На чуждый, суетный обряд,
А с тихой грустью умиленья.
«Алый мак на жёлтом стебле...»
Алый мак на жёлтом стебле,
Папиросный огонёк.
Синей змейкою колеблясь,
Поднимается дымок.
Холодея, серый пепел
Осыпается легко.
Мой приют мгновенно-тепел,
И ничто не глубоко.
Жизнь, свивайся лёгким дымом!
Ничего уже не жаль.
Даль в тумане еле зрима, –
Что надежды! Что печаль!
Всё проходит, всё отходит,
Развеивается, как дым;
И в мечтаньях о свободе
Улыбаясь отгорим.
«Над землёю ты высок...»
«Над землёю ты высок,
Ярок, жарок и жесток.
Солнце, брат горящий наш,
Что возьмёшь и что ты дашь?» –
«Унесу и принесу
За подарок лучший дар.

В чашу всю сберу росу,
Дам тебе живой загар.
Был ты робок, слаб и бел,
Будешь тёмн, твёрд и смел,
Кровь смешаешь с влагой рос, –
Жаждет распятый Христос». –
«Солнце, наш горящий брат,
Низведи Христа с креста!
У твоих лазурных врат
Наша чаша налита».
«Она безумная и злая...»
Она безумная и злая,
Но хочет ласки и любви,
И сладострастие, пылая,
Течёт, как яд, в её крови.
На вид она совсем старуха,
Она согбенна и седа,
Но наушенья злого духа
Царят над нею навсегда.
Не презирай её морщины,
Её лобзаний не беги, –
Она посланница Судьбины.
Бессильны все её враги.
«Хотя сердца и ныне бьются верно...»
Хотя сердца и ныне бьются верно,
□□Как у мужей былых времён,
Но на кострах, пылающих безмерно
□□Мы не сжигаем наших жён.
И, мёртвые, мы мудро миром правим:
□□Благословив закон любви,
Мы из могилы Афродите славим:
«Живи, любимая, живи!»
И если здесь, оставленная нами
□□Кольца любви не сбережёт,
И жадными, горящими устами
□□К ночному спутнику прильнёт, –
Не захотим пылающего мщенья,
□□И, жертвенный отвергнув дым,
С улыбкою холодного презренья
□□Нам изменившую простим.
«Забыв о счастье, о весельи...»
Забыв о счастье, о весельи,
Отвергнув равнодушный свет,
Один в своей унылой келье
Ты, чарователь и поэт.
Ты только сети сердцу вяжешь,
Печально голову клоня,
И всё молчишь, и мне не скажешь
О том, как любишь ты меня.
А я – надменная царица.
Не знаю я свободных встреч.
Душна мне эта багряница,
Ярмо моих прекрасных плеч,
Бессильна я в томленьях страсти.
Соседний трон угрюмо пуст,
И только призрак гордой власти
Порой коснётся алых уст.
О, если б снять венец двурогий,
И целовать, и обнимать!
Но всё твердит мне кто-то строгий,
Что я – увенчанная мать.
«Отражена в холодном зеркале...»
Отражена в холодном зеркале,
□□Стою одна.
Вон там, за зеркалом, не дверка ли
□□В углу видна?
Я знаю, – там, за белой кнопкою,
□□Пружина ждёт.

Нажму ль её рукою робкою,
□□Открою ль ход?
Светлы мои воспоминания,
□□Но мне острее ножа.
Отвергла я вчера признания
□□Румяного пажа.
Упасть бы мне в его объятия!
□□Но нет! О нет! О нет!
Милее мне одно пожатие
□□Твоей руки, поэт!
«На небе лунный рдеет щит...»
На небе лунный рдеет щит, –
То не Астольф ли ночью рыщет,
Коня крылатого бодрит
И дивных приключений ищет?
Вон тучка белая одна, –
Не у скалы ли Анжелика
Лежит в цепях, обнажена,
Трепеща рыцарского лица?
И вот уж месяц рядом с ней, –
То не оковы ль рассекает
Астольф у девы, и скорей,
Скорей с прекрасной улетает?
«На разноцветных камнях мостовой...»
На разноцветных камнях мостовой
□□Трепещут сизые голубки;
□□На тротуаре из-под юбки,
Взметаемой походкой молодой,
Сверкают маленькие пряжки,
□□Свинцовой отливая синевой,
□□И, словно угрожая нам бедой,
Ломовиков копыта тяжки, –
Разрозненной, но всё-таки слитой,
□□Черты одной и той же сказки.
□□Она стремление коляски
Обвеет лёгкой, хрупкой красотой.
«Ты не весел и не болен...»
Ты не весел и не болен,
Ты такой же, как и я,
Кем-то грубо обездолен
В дикой схватке бытия.
У тебя такие ж руки,
Как у самых нежных дам,
Ими ты мешаешь муки
С лёгкой шуткой пополам.
У тебя такие ж ноги,
Как у ангелов святых, –
Ты на жёсткие дороги,
Не жалея, гонишь их.
У тебя глаза такие ж,
Как у тех, кто ценит миг, –
Ты их мглой вечерней выешь
Над печатью старых книг.
Всем гетерам были б сладки
В тихий час твои уста,
Но темней ночной загадки
Их немая красота.
Ты не весел, не печален,
Ты, похожий на меня,
Тою ж тихую ужален
В разгорании огня.
«Так величавы сосны эти...»
Так величавы сосны эти,
В лесу такая тишина,
А мы шумливее, чем дети,
Как будто выпили вина.
Мы веселимся и ликуем,
В веселии создавши рай,

обращение стихотворений. Том 5. Война. Земля родная. Алый мак. Фимиамы. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
И наших девушек волнуем
Прикосновеньем невзначай.
Комментарии
Печатается по:

Сологуб Федор. Война. Стихи. Пг.: Издание журнала «Отечество», 1915 г.

Сологуб Федор. Земля родная. Выбранные стихи. М.: Универсальная библиотека, 1916.

Сологуб Федор. Алый мак. Книга стихов. М.: Московское книгоиздательство, 1917.

Сологуб Федор. Фимиамы. Пб.: Странствующий энтузиаст, 1921.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!